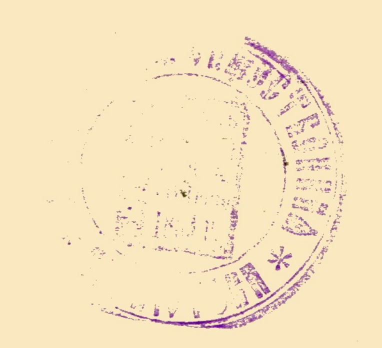

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ

Общества Научной Медицины и Гигіены

при

Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

Юбилейное засѣданіе 8-го Февраля 1898 г.

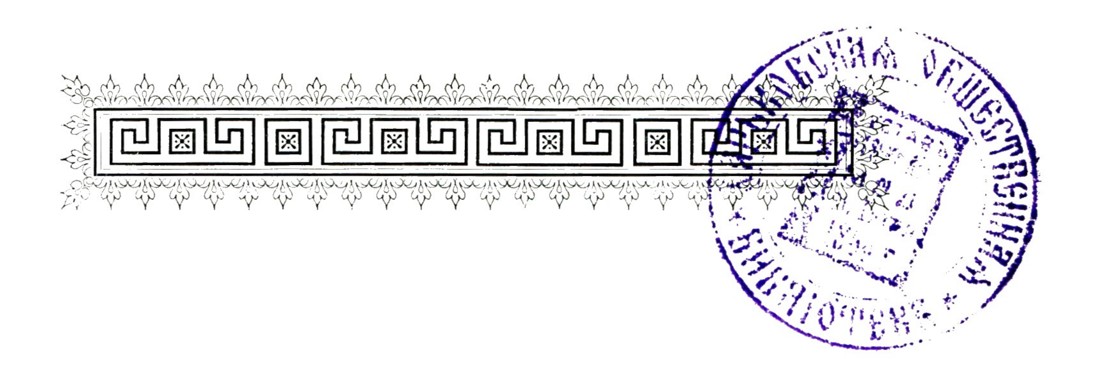

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре. Московская улица, № 19.

1898.

Печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается, 11-го Іюня 1898 г.
Предсѣдатель Общества Научной Медицины и Гигіены проф. *И. Оболенскій.*

М.м. Г.г.

Принимая на себя почетную обязанность Председателя сегодняшняго засѣданія, я считаю своимъ долгомъ прежде всего выразить мою живѣйшую благодарность глубокоуважаемому Обществу за честь, которой ему угодно было удостоить меня. Привѣтствую глубокоуважаемое Общество съ исполнившимся 25-ти лѣтіемъ его научной дѣятельности. Мнѣ пріятно заявить, что мнѣ, какъ одному изъ учредителей Общества, досталась счастливая доля увидѣть успѣхи, которыхъ достигло Общество въ теченіе 25-ти лѣтней жизни своей. Двадцать пять лѣтъ назадъ было посѣяно маленькое зерно, которое, какъ оказалось впослѣдствіи, упало на благодарную почву, потому что изъ него съ теченіемъ времени выросло громадное дерево, которое уже давно стало приносить хорошіе плоды. Вначалѣ наше Общество составляло часть Общества опытныхъ наукъ и входило въ составъ его подъ названіемъ медицинской секціи; въ настоящее время оно представляетъ отдѣльное самостоятельное цѣлое, которое приняло названіе «Общество Научной Медицины и Гигіены». Преобразовавшись въ отдѣльное самостоятельное Общество, измѣнивъ свое названіе, Общество однакожъ не измѣнило въ сущности ни своего характера, ни своего направленія. Экспериментъ, опытъ, строго научное изслѣдованіе, обстоятельное клиническое наблюденіе составляли въ началѣ развитія Общества, составляютъ и въ настоящее время главные факторы его жизнедѣятельности. Эти факторы давали, даютъ и будутъ давать жизнь Обществу; они пробуждаютъ въ немъ вниманіе, интересъ къ научнымъ работамъ и экспериментальнымъ изслѣдованіямъ, потому что результаты, добытые при такомъ способѣ дѣйствія, часто оказываются весьма цѣнными,

открываютъ новые горизонты, указываютъ новыя положенія, бросаютъ новый, болѣе яркій свѣтъ на темныя стороны науки. Теоретическія воззрѣнія, философскія сужденія, умозрительныя построенія системъ, господствовавшія иногда въ медицинѣ, увлекали вообще не надолго; живо создавалось новое направленіе въ наукѣ, живо оно и падало, не оставивъ даже и слѣда при малѣйшемъ прикосновеніи къ нему эксперимента и строгаго анализа положительной науки. Только то оставалось прочнымъ пріобрѣтеніемъ и достояніемъ науки, что основывалось и созидалось на хорошо задуманномъ, разумно постановленномъ и точно выполненномъ опытѣ. Всякій изъ насъ знаетъ, какіе быстрые успѣхи въ своемъ развитіи сдѣлали медицинскія науки и какого блестящаго состоянія достигли онѣ съ тѣхъ поръ, какъ въ пособіе имъ, для производства опытовъ и строго научныхъ изслѣдованій, стали устраивать повсюду лабораторіи, кабинеты и другія подобныя вспомогательныя учрежденія, которыя снабжались всѣми средствами и приборами, необходимыми для такого рода работъ и занятій.

Послѣднія двадцать пять лѣтъ истекающаго вѣка на-всегда составятъ знаменательную эпоху въ исторіи медицины, благодаря поистинѣ гигантскимъ пріобрѣтеніямъ, какія на нашихъ глазахъ сдѣланы были въ области различныхъ отраслей врачебной науки. Не говоря объ основныхъ наукахъ, я позволю себѣ напомнить вамъ о развитіи новой, еще юной, но уже достаточно окрѣпшей наукѣ— бактеріологіи, благодаря которой существенно измѣнились способы распознаванія, предупрежденія и лѣченія болѣзней; напомню о современномъ переворотѣ, произведенномъ антисептикою и асептикою въ хирургіи и гинекологіи; напомню также о непрерывномъ поступательномъ движеніи гигіены, которая оказываетъ великую помощь врачу въ его борьбѣ съ болѣзнями; наконецъ напомню о химіи и фармакологіи, постоянно открывающихъ новыя лѣкарственныя вещества, которыя вмѣстѣ съ физическими способами лѣченія даютъ намъ возможность скорѣе достигать конечной цѣли всякаго научнаго изслѣдованія въ области медицины, т. е. облегченія страданій человѣчества.

Всѣми этими успѣхами медицина обязана преимущественно широкому примѣненію экспериментальнаго метода изслѣдованія, ревностному и умѣлому пользованію научными пособіями и приборами физики, химіи и микроскопіи. Это направленіе, съ такими пріемами и такими способами дѣйствія при научныхъ работахъ, положено

было въ основу нашего Общества въ самомъ началѣ его возникновенія. Оставаясь вѣрнымъ разъ принятому направленію, Общество наше въ теченіе двадцати пяти лѣтъ своего существованія значительно подвинулось впередъ, окрѣпло и пріобрѣло прочную организацію и достаточную жизненную силу. Всякая ученая корпорація носитъ на себѣ отпечатокъ той или другой жизнедѣятельности, смотря по характеру и качеству хранящихся въ ней научныхъ и нравственныхъ задатковъ. Нравственная сила Общества возрастаетъ и крѣпнетъ подъ вліяніемъ взаимнаго единенія членовъ Общества между собою и благодаря энергическому и честному отношенію ихъ къ дѣлу. Эти условія проявили свое вліяніе и свое значеніе и на нашемъ Обществѣ.

Исполненный отраднаго чувства, въ виду постепеннаго прогресса и безпрерывнаго развитія нашего Общества, я сердечно желаю ему дальнѣйшаго преуспѣянія и процвѣтанія; желаю, чтобы условія, которыя служатъ для подъема и возрастанія нравственной силы Общества, оставались въ немъ всегда и неизмѣнно господствующими. Желаю также нынѣшнимъ и будущимъ членамъ Общества постояннаго, ни чѣмъ ненарушаемаго единодушія и неослабной энергіи, которыя такъ необходимы для здоровой жизни и плодотворной дѣятельности Общества. Пусть они продолжаютъ и впредь съ должнымъ достоинствомъ и умѣніемъ высоко держать знамя Общества и еще успѣшнѣе трудиться и работать для блага человѣчества и для исцѣленія страданій его!

Почетный предсѣдатель, профессоръ *Ив. Зарубинъ.*

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Представляя Вашему благосклонному вниманію отчетъ о 25-ти-лѣтней жизни и дѣятельности Общества Научной Медицины и Гигіены, я не смѣю утруждать Ваше вниманіе подробнымъ чтеніемъ его, а ограничусь выдержками болѣе или менѣе ярко характеризующими главные моменты жизни и дѣятельности нашего Общества.

17-го декабря 1897 г. исполнилось 25 лѣтъ дѣятельности Общества Научной Медицины и Гигіены. Общество это возникло изъ Медицинской Секціи Общества Опытныхъ Наукъ при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, въ составъ котораго входила другая секція физико-химическая.

Еще въ 1870 г. профессора естественнаго и медицинскаго факультетовъ Харьковскаго Университета, руководствуясь § 119 Универ. Уст. 1863 г., составили проектъ Устава Общества Опытныхъ Наукъ и представили его, чрезъ Г. Попечителя Округа, на утвержденіе Господина Министра Народнаго Просвѣщенія. 3-го февраля 1872 г. въ засѣданіи Совѣта университета было заслушано слѣдующее предложеніе Г. Попечителя: Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 22-го мая 1871 г. за № 4977 увѣдомилъ, что представленный мною проектъ Устава Общества Опытныхъ Наукъ при Харьковскомъ Университетѣ, Его Сіятельство счелъ нужнымъ подвергнуть разсмотрѣнію въ ученомъ Комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Одобривъ представленное нынѣ ученымъ Комитетомъ мнѣніе по означенному проекту и сдѣлавъ въ видахъ согласованія организаціи помянутаго Общества съ устройствомъ подобныхъ оному учрежденій при нашемъ университетѣ, Его Сіятельство Господинъ Министръ счелъ нужнымъ составленный на изложенныхъ основаніяхъ проектъ Устава Общества Опытныхъ Наукъ при Харьков-

скомъ Университетѣ, предварительно утвержденія онаго, препроводить на мое и Совѣта мнѣніе.

Вышеизложенное предложеніе Господина Министра было передано Совѣтомъ университета на заключеніе физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ. Послѣдній въ разсматриваемомъ проектѣ Устава ввелъ нѣсколько измѣненій и дополненій, а именно: во 1-хъ, предложивъ раздѣлить Общество Опытныхъ Наукъ на двѣ секціи—физико-химическую и медицинскую. Въ кругъ 1-й входятъ: физика, химія, физіологія, въ область 2-ю всѣ вообще медицинскія науки; во 2-хъ, обѣ секціи Общества по временамъ имѣютъ совмѣстныя засѣданія для обсужденія дѣлъ, касающихся всего Общества, и отдѣльныя засѣданія съ научными сообщеніями. Въ послѣднемъ случаѣ членамъ одной секціи предоставляется право участвовать въ засѣданіяхъ другой; въ 3-хъ, чтобы Обществу предоставлено было право избирать своихъ членовъ изъ всѣхъ лицъ, интересующихся и занимающихся науками, входящими въ програму его, безотносительно къ тому,— занимаютъ ли они какое нибудь оффиціальное положеніе по учебному вѣдомству или нѣтъ; въ 4-хъ, каждая Секція должна имѣть товарища предсѣдателя, своихъ секретарей, редакторовъ и т. д. 7-го декабря 1872 г. Г. Попечитель Учебнаго Округа сообщилъ Совѣту университета, что Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ учредить при Харьковскомъ Университетѣ Общество Опытныхъ Наукъ съ двумя секціями и тѣми измѣненіями, которыя были сдѣланы медицинскимъ факультетомъ. Такимъ образомъ Уставъ Общества Опытныхъ Наукъ былъ утвержденъ и 17-го декабря 1872 г. состоялось 1-е засѣданіе Общества при участіи гг. профессоровъ: И. К. Вагнера, И. К. Зарубина, А. И. Якобія, И. П. Лазаревича, Я. С. Кремянскаго, К. З. Кучина, Ѳ. В. Тихоновича, И. Н. Оболенскаго. Засѣданіе было чисто административное и имѣло цѣлью избраніе администраціи. Предсѣдателемъ былъ избранъ И. К. Зарубинъ, секретаремъ И. Н. Оболенскій; въ слѣдующее засѣданіе товарищемъ предсѣдателя К. З. Кучинъ. Сформировавшееся такимъ образомъ Общество въ первое время своего существованія насчитывало 21 члена. За 25 лѣтъ число членовъ значительно возросло и Общество въ настоящемъ къ 1898 г. насчитываетъ число своихъ членовъ дѣйствительныхъ 103; всѣхъ членовъ поступило за 25 лѣтъ 164, въ теченіе 25 лѣтъ выбыло 82.

Кромѣ дѣйствительныхъ членовъ, Общество наше имѣло (за 25 лѣтъ) десять почетныхъ членовъ Проф.: Вальдейеръ, Кохъ,

Пастеръ, Зарубинъ, Оболенскій, Ковалевскій, Пашутинъ, Рагозинъ, Кудринъ и Ткачевъ, изъ нихъ выбыло два за смертью: Пастеръ и Ткачевъ, и осталось къ 1898 г. почетныхъ членовъ 8 челов. Означенныя лица избирались въ почетные члены, согласно § 6 Устава Общества, или въ силу выдающихся ученыхъ заслугъ, или въ силу особенныхъ услугъ, оказанныхъ Обществу.

Членовъ-корреспондентовъ—четыре, соревнователей—девять.

Засѣданія Общества происходили въ зданіяхъ университета одинъ разъ въ мѣсяцъ, а въ случаѣ накопленія матеріала и чаще. Всѣхъ засѣданій было за 25 лѣтъ 25 административныхъ и 155 чисто научныхъ, въ которыхъ сдѣлано 370 сообщеній, среднимъ числомъ, въ каждомъ засѣданіи дѣлалось безъ малаго три научныхъ сообщенія.

Будучи секціей, Общество Научной Медицины и Гигіены должно было руководствоваться однимъ уставомъ общимъ съ другой половиной того-же Общества съ секціей физико-химической. По смыслу этого устава казначей былъ одинъ для обѣихъ секцій и члены каждой секціи окончательно баллотировались въ общихъ собраніяхъ членовъ обѣихъ секцій, при чемъ собранія эти происходили подъ предсѣдательствомъ лица, избираемаго для каждаго собранія. Уже на второй годъ существованія медицинской секціи секретаремъ ея было обращено вниманіе членовъ на тѣ неудобства, которыя существовали благодаря тому, что секція не имѣла своего отдѣльнаго казначея и не имѣла права баллотировать окончательно вновь поступавшихъ членовъ. По этому поводу въ засѣданіи 9-го января 1874 г. состоялось постановленіе: 1) имѣть въ медицинской секціи отдѣльнаго казначея для собиранія и храненія денегъ, получаемыхъ отъ членскихъ взносовъ, а также и расходованія денегъ по усмотрѣнію гг. членовъ секціи; 2) имѣть право окончательной баллотировки вновь поступающихъ въ Общество членовъ—только членами медицинской секціи. Эти два вопроса, а равно и ходатайство медицинской секціи объ измѣненіи §§ 3, 5 и 11 Устава Общества Опытныхъ Наукъ были представлены на обсужденіе и рѣшеніе общаго собранія обѣихъ секцій. 24 февраля того-же 1874 г. эти вопросы обсуждались въ общемъ собраніи обѣихъ секцій и члены Общества пришли къ заключенію, что каждая секція можетъ имѣть отдѣльнаго своего казначея и можетъ окончательно баллотировать вновь поступающихъ въ секцію членовъ,—только своими членами, безъ участія общаго собранія обѣихъ секцій. Вслѣдствіе

этого и въ виду предположеннаго измѣненія §§ 3, 5 и 11 Устава Общества Опытныхъ Наукъ въ одномъ изъ засѣданій въ 1874 г. была произведена баллотировка перваго казначея медицинской секціи, каковымъ и былъ избранъ профессоръ В. П. Крыловъ, а въ слѣдующемъ засѣданіи члены медицинской секціи самостоятельно баллотировали въ члены своего Общества Харьковскаго военно-медицинскаго инспектора Н. М. Добрякова.

Пріобрѣтя такимъ образомъ право самостоятельной баллотировки своихъ членовъ, Медицинская Секція пользовалась ими съ большой осторожностью и осмотрительностью, соображаясь исключительно съ научными интересами Общества. Такъ: въ засѣданіи 11-го февраля 1876 г. былъ поднятъ вопросъ о направленіи дѣятельности Общества Медицинской Секціи и послѣ всесторонняго обсужденія его большинство членовъ секціи высказало то мнѣніе, что для того, чтобы Медицинская Секція Опыт. Наукъ могла держаться неуклонно строго научнаго направленія, необходимо быть болѣе разборчивыми при избраніи въ члены Секціи. Въ виду чего было рѣшено, чтобы представленіе вновь поступающаго члена однимъ изъ наличныхъ членовъ было мотивировано и, кромѣ того, вновь поступающій членъ передъ баллотировкой долженъ представить какой нибудь научный трудъ. Одновременно съ этимъ было сдѣлано постановленіе: лицъ, извѣстныхъ своей ученой дѣятельностью, избирать въ почетные члены. Первыми почетными членами Медицинской Секціи были избраны 26 октября 1886 г. профессора Вальдейеръ и Пастеръ. Съ рѣшеніемъ вопроса объ отдѣльномъ для каждой секціи казначея самостоятельной баллотировкѣ своихъ членовъ Медицинская Секція, помимо чисто научныхъ интересовъ, не имѣла уже ничего общаго съ Физико-Химической Секціей и стала жить самостоятельной жизнью.

Общія собранія членовъ обѣихъ секцій происходили нерегулярно и дѣлались все рѣже и рѣже, и въ концѣ концовъ совсѣмъ прекратились. А между тѣмъ потребность въ научномъ общеніи членовъ обѣихъ секцій оставалась и многими членами выражалось желаніе устраивать совмѣстныя засѣданія Общества Опытныхъ Наукъ и урегулировать ихъ. Такъ: въ засѣданіи 21 декабря 1883 г. былъ поднятъ вопросъ: нельзя ли устраивать совмѣстныя засѣданія обѣихъ секцій, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ семестръ, а также нельзя-ли привлечь къ этому и Общество естествоиспытателей? Было рѣшено единогласно: устраивать совмѣстныя засѣданія обѣихъ секцій одинъ разъ въ концѣ каждаго семестра и просить Общество естествоиспы-

тателей также принять участіе въ этихъ общихъ собраніяхъ. При этомъ было высказано желаніе, чтобы сообщенія, дѣлаемыя въ этихъ послѣднихъ, касались общенаучныхъ вопросовъ и такимъ образомъ могли бы интересовать людей всѣхъ спеціальностей.

Съ теченіемъ времени дѣятельность Общества Медицинской Секціи и самые размѣры Общества всѣ больше и больше разрастались, вмѣстѣ съ тѣмъ возникали новыя потребности, которыя естественно не могли быть удовлетворены устарѣвшими §§ Уст. Общ. Опытныхъ Наукъ. Въ виду этого, въ засѣданіи 25 января 1889 г. профес. В. Я. Данилевскимъ былъ поднятъ вопросъ о пересмотрѣ Устава Общества Опытныхъ Наукъ и для этой цѣли, въ томъ-же засѣданіи, была избрана особая комиссія. 24-го октября того-же года Предсѣдатель Секціи И. К. Зарубинъ сообщилъ докладъ коммиссіи объ измѣненіи Устава, при чемъ указалъ, что въ виду интересовъ Секціи слѣдуетъ выдѣлиться Медицинской Секціи въ отдѣльное Общество, состоящее при университетѣ подъ названіемъ Общества Научной Медицины. Заявленіе это было принято единогласно; но окончательная редакція проекта Устава, прочитаннаго въ этомъ засѣданіи, была отложена до слѣдующаго засѣданія. Въ засѣданіи 13-го февраля 1891 г. проектъ Устава окончательно былъ редактированъ и былъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями, между прочимъ, по предложенію проф. И. П. Скворцова, и самое названіе Общества было дополнено словомъ «Гигіены».

Такимъ образомъ проектируемое Общество названо было «Обществомъ Научной Медицины и Гигіены», уставъ его окончательно выработанъ и поручено было Правленію Общества ходатайствовать черезъ надлежащія инстанціи у Министра Народнаго Просвѣщенія объ утвержденіи Устава Общества Научной Медицины и Гигіены. Одновременно съ Медицинской Секціей и Физико-Химическая Секція постановила выдѣлиться въ отдѣльное Общество и предложила совмѣстно хлопотать объ утвержденіи новыхъ уставовъ. 11-го марта 1893 г. уставъ былъ утвержденъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, о чемъ Г. Ректоръ университета отношеніемъ отъ 24-го октября тогоже года увѣдомилъ Предсѣдателей Секцій и просилъ распоряженія ихъ о приведеніи таковыхъ въ дѣйствіе.

Согласно этому предложенію новое Общество, въ составъ котораго вошли всѣ члены бывшей Медицинской Секціи, просуществовавшей 20 лѣтъ и переименованной теперь въ Общество Научной Медицины и Гигіены съ измѣненнымъ и дополненнымъ Уставомъ, въ своемъ

первомъ засѣданіи 16-го декабря 1893 г. избрало должностныхъ лицъ: Предсѣдателемъ былъ избранъ, за отказомъ И. К. Зарубина и И. Н. Оболенскаго, проф. П. И. Ковалевскій, товарищемъ предсѣдателя проф. И. Н. Оболенскій, казначеемъ проф. М. Д. Пономаревъ, секретарями приватъ-доценты: А. В. Богдановъ и Н. И. Мухинъ.

Въ первыя десять лѣтъ дѣятельности Медицинской Секціи нынѣ Общество Научной Медицины и Гигіены протоколы и научныя сообщенія печатались въ видѣ приложеній къ протоколамъ совѣтскихъ засѣданій. Такой способъ печатанія трудовъ Общества представлялъ много неудобствъ, по поводу которыхъ не разъ членами высказывались сѣтованія и возбуждался вопросъ объ упорядоченіи изданія протоколовъ и трудовъ Общества. Въ 1875 г., а потомъ 1882 г. нѣкоторыми членами было заявлено, что протоколы засѣданій выходятъ изъ печати поздно и что желательно было бы въ интересахъ общества знакомиться съ научными сообщеніями раньше. По обсужденіи этого заявленія постановили: 1) каждое засѣданіе должно быть реферировано и отпечатано по возможности скоро послѣ засѣданія въ мѣстныхъ газетахъ, о чемъ войти въ соглашеніе съ мѣстными редакціями газетъ; 2) войти въ соглашеніе съ медицинской газетой «Врачъ» и просить печатать регулярно рефераты изъ протоколовъ засѣданій, что дѣлается и въ настоящее время. 13-го же октября 1882 г. предсѣдатель заявилъ, что въ печатаніи протоколовъ и трудовъ Общества въ приложеніяхъ къ протоколамъ совѣтскихъ засѣданій университетомъ отказано. Въ виду этого былъ возбужденъ вопросъ о выработкѣ способа изданія научныхъ сообщеній и объ ассигнованіи средствъ для этой цѣли.

Руководствуясь § 10 Уст. Общ. Опыт. Наукъ, дозволявшимъ Обществу издавать Сборникъ статей подъ названіемъ «Трудовъ Общества Опытныхъ Наукъ» и принимая во вниманіе имѣвшіяся тогда средства, постановлено было: 1) предпринять изданіе «Трудовъ Общества Опытныхъ Наукъ», 2) труды должны издаваться не менѣе двухъ разъ въ годъ, 3) печатать статьи только членовъ Общества, 4) сообщенія постороннихъ лицъ печатать по рѣшенію Общества и 5) на печатаніе трудовъ употреблять всѣ средства Секціи, кромѣ основного фонда. Первымъ редакторомъ былъ избранъ проф. В. П. Крыловъ и кандидатомъ къ нему доцентъ З. И. Стрѣльцовъ. Такимъ образомъ съ 1882 г. Общество Медицинской Секціи имѣло свой печатный повременный органъ, въ которомъ печатались если не всѣ, то наибольшее число научныхъ сообщеній. Въ 1875 г. былъ возбужденъ

вопросъ объ обмѣнѣ протоколовъ засѣданій Медицинской Секціи съ другими Медицинскими Обществами въ Россіи. Вопросъ этотъ рѣшенъ въ удовлетворительномъ смыслѣ, и 8-го октября того же года впервые были получены въ обмѣнъ протоколы засѣданій Кавказскаго Медицинскаго Общества и Медицинскій Сборникъ, издаваемый имъ.

Въ 1887 г. Медицинская Секція въ первый разъ обратилась въ различныя заграничныя Общества съ предложеніемъ обмѣниваться своими изданіями. Заграничныя общества, за исключеніемъ не многихъ, отозвались на предложеніе секціи сочувственно и съ этого времени библіотека Общества Медицинской Секціи стала пополняться сочиненіями, которыя нигдѣ нельзя пріобрѣсти за большія деньги. Въ 1885 г. средства на печатаніе Трудовъ Общества увеличились, благодаря тому, что согласно § 10 инструкціи редакціонному комитету по университетскимъ изданіямъ съ этого времени стали отпускать изъ спеціальныхъ средствъ университета на печатаніе ученыхъ трудовъ Общества при университетѣ, кромѣ Общества натуралистовъ, 500 р. въ годъ и на долю Медицинской Секціи приходилось 200—250 руб. Въ 1894 г., когда Медицинская секція была преобразована въ самостоятельное «Общество Научной Медицины и Гигіены» взамѣнъ «Трудовъ Общества», сталъ издаваться періодическій журналъ «Медицины и Гигіены». Но журналу этому не суждено было долго существовать. Въ первый же годъ его изданія обнаружилось, что изданіе это не подъ силу обществу въ матеріальномъ отношеніи. Изданіе его стоило, какъ показалъ опытъ, около $1^1/_2$ тысячи и Общество, не располагая такими средствами, волей не волей должно было прекратить изданіе періодическаго журнала и остановиться на прежнемъ способѣ печатанія своихъ научныхъ сообщеній въ формѣ «Трудовъ Общества Научной Медицины и Гигіены».

Средства Общества научной Медицины и Гигіены, во все время ея 25-лѣтняго существованія, составлялись главнымъ образомъ изъ членскихъ взносовъ, размѣры которыхъ были не всегда одинаковы. До 1887 года членскій взносъ былъ шесть рублей, а съ 1887 г. въ виду удовлетворительности средствъ Общества онъ былъ уменьшенъ до 3-хъ руб. и до сего времени остается таковымъ. Только въ 1894 г. къ трехрублевому взносу были прибавлены два рубля какъ прибавка за полученіе журнала Медицины и Гигіены, но и тѣ въ слѣдующемъ же году были отмѣнены. Мотивомъ къ уменьшенію членскаго взноса съ 6 р. на 3 р. служило желаніе Общества сколько возможно облегчить матеріальную сторону членовъ. При

шести рублевомъ членскомъ взносѣ многіе члены видимо затруднялись своевременно взносить деньги въ кассу Общества, и черезъ это, съ каждымъ годомъ, нарастали недоимки. Но недоимки эти нисколько не тревожили Общество и къ членамъ недоимщикамъ оно относилось крайне снисходительно. Возбуждавшійся вопросъ: что дѣлать съ недоимщиками и считать ли ихъ дѣйствительными членами Общества? рѣшили такъ: слѣдуетъ напоминать о членскихъ взносахъ, но отнюдь не исключать ихъ изъ списка дѣйствительныхъ членовъ. Исключались изъ списка выѣхавшіе члены изъ Харькова, но тѣ изъ нихъ, которые были полезны Обществу своей дѣятельностью, считались членами-корреспондентами Общества Научной Медицины и Гигіены, съ правомъ пользованія протоколомъ Общества и взносомъ въ размѣрѣ 1 руб. за пересылку протоколовъ. Первымъ членомъ, корреспондентомъ Общества былъ д-ръ Ютюдьянъ въ Константинополѣ, который былъ избранъ, не будучи дѣйствительнымъ членомъ Общества.

Помимо членскихъ взносовъ въ составъ средствъ Общества Научной Медицины и Гигіены съ 1882 г. входила субсидія изъ спеціальныхъ средствъ Императорскаго Харьковскаго Университета въ размѣрѣ 200—300 руб. на печатаніе Трудовъ Общества и протоколовъ засѣданій его. Субсидіей этой Общество пользуется и теперь. Въ настоящее время Общество помимо этой субсидіи имѣетъ собственный капиталъ, составившійся, исключительно изъ членскихъ взносовъ 1363 руб. 73 к., изъ нихъ 1200 руб. въ процентныхъ бумагахъ и 163 р. 73 к. наличными.

Общество Научной Медицины и Гигіены имѣетъ библіотеку, составившуюся изъ Трудовъ Общества и ученыхъ работъ, полученныхъ въ обмѣнъ отъ другихъ Медицинскихъ Обществъ русскихъ и заграничныхъ. Библіотека помѣщается въ зданіи университета и содержитъ въ себѣ до двухсотъ книгъ различныхъ наименованій, между ними есть много очень цѣнныхъ и рѣдкихъ экземпляровъ ученыхъ сочиненій, которыя служатъ выраженіемъ того научнаго богатства, разработку и расширеніе котораго Общество Научной Медицины и Гигіены всегда имѣло и будетъ имѣть своей главной задачей.

Секретарь д-ръ *И. Платоновъ.*

Рѣчь предсѣдателя Общества, почетнаго члена, проф. И. Н. Оболенскаго.

Жизнь университета, какъ громаднаго государственнаго учрежденія, слагается изъ различныхъ факторовъ, тѣсно между собою связанныхъ, каковы административные, экономическіе, учебно-педагогическіе и ученые.

Насъ главнымъ образомъ, и исключительно, интересуютъ послѣдніе два: учебно-педагогическая сторона жизни университета обильно удовлетворяется тою обширною аудиторіей, какую представляетъ собою весь наличный контингентъ нашихъ слушателей. Тутъ обширное мѣсто и поле дѣлиться своими знаніями, опытностію, благодаря которымъ возможно обучать и подготовлять будущихъ научно-образованныхъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ государственной и общественной жизни.

Вторая сторона жизни университета—ученая—выполняется въ настоящее время тоже сполна, благодаря, съ одной стороны, существованію въ нашемъ университетѣ библіотеки, архивовъ, различнаго рода кабинетовъ, лабораторій, клиникъ, гдѣ сосредоточивается и кипитъ научная, прогрессивная жизнь ученыхъ старыхъ, молодыхъ и готовящихся быть таковыми.

Съ другой стороны—цѣлому ряду обществъ, существующихъ при нашемъ университетѣ, гдѣ эта кипучая жизнь выливается наружу, идетъ въ жизнь, обогащая ее новыми изысканіями, открытіями, увѣковѣчившими многихъ дѣятелей нашего университета безсмертною славою выдающихся ученыхъ. Въ ряду таковыхъ обществъ находится и Общество Научной Медицины и Гигіены. Оно есть порожденіе университета, его дѣтище, его твореніе, слѣдова-

тельно между ними есть органическая неразрывная связь.—На первыхъ порахъ жизни нашего Общества она сказалась и теперь продолжаетъ сказываться тѣмъ, что университетъ, какъ вы изволили слышать изъ представленнаго отчета, даетъ нашему Обществу помѣщеніе для засѣданій, для библіотеки, даетъ намъ ежегодную и довольно значительную субсидію для печатанія нашихъ трудовъ.

Ежегодный отчетъ о дѣятельности нашего Общества печатается въ общемъ отчетѣ по университету. Такимъ образомъ Общество Научной Медицины и Гигіены, являясь продуктомъ внутренней ученой жизни университета, живетъ съ нимъ неразрывною жизнію, служа ему по мѣрѣ своихъ силъ и помогая университету выполнять его миссію, быть свѣточемъ и провозвѣстникомъ науки. Отношеніе нашего Общества къ медицинскому факультету еще тѣснѣе, еще интимнѣе: первая мысль о возникновеніи явилась въ медицинскомъ факультетѣ, имъ, т. е. его членами осуществилась; они были его первымъ ядромъ, изъ котораго оно развилось до настоящаго состоянія, имъ главнымъ образомъ оно поддерживалось, ему, если хотите, главнымъ образомъ оно служило.

Въ нашемъ Обществѣ, да позволено будетъ такъ выразиться, можно сказать вылилась почти вся жизнь нашего факультета за истекшія 25 лѣтъ.

Изъ перечисленныхъ въ отчетѣ сообщеній, статей и т. д. можно видѣть, что почти всѣ профессора медицинскаго факультета разновременно дѣлали свои сообщенія въ нашемъ Обществѣ, печатали свои статьи въ нашихъ изданіяхъ и слѣдовательно несли свои ученые труды въ него, содѣйствуя этимъ самымъ процвѣтанію его. Значительный по числу лицъ институтъ гг. прозекторовъ, лаборантовъ, ординаторовъ клиникъ, молодыхъ врачей, работающихъ въ различныхъ учрежденіяхъ медицинскаго факультета, сторонніе университету гг. врачи, составляя обычный контингентъ посѣтителей нашихъ засѣданій, въ то же самое время являлся и активнымъ дѣятелемъ. Молодыя силы нашего университета, выступая съ своими законченными или начатыми учеными трудами, встрѣчали въ нашемъ Обществѣ спокойную безпристрастную оцѣнку своего труда, поощреніе къ дальнѣйшимъ изысканіямъ и изслѣдованіямъ.

Здѣсь, въ спокойныхъ преніяхъ и обсужденіяхъ, присутствующіе знакомились съ послѣднимъ словомъ науки по интересующему ихъ вопросу. Здѣсь молодымъ сочленамъ часто намѣчался дальнѣйшій планъ работы, указывался вѣрный и научный методъ для будущихъ

изслѣдованій, слѣдовательно происходило общеніе ученой дѣятельности съ учебно-педагогической. Наконецъ, не малую роль играло наше Общество и въ жизни гг. студентовъ медицинскаго факультета: имъ былъ открытъ свободный доступъ въ засѣданія, которыя они весьма охотно посѣщали въ значительномъ числѣ.

Посѣщеніе такихъ засѣданій, конечно, представлялось для нихъ весьма полезнымъ и назидательнымъ.

Здѣсь, изъ сообщеній и послѣдовательныхъ преній, они знакомились съ новыми вопросами по разнымъ отдѣламъ медицинской науки, литературою, именами ученыхъ, методами изслѣдованія, употребляемыми наукой для научныхъ работъ,—знакомство съ которыми для нихъ важно въ виду возможныхъ въ будущемъ самостоятельныхъ изслѣдованій.

Наконецъ, помимо чисто научнаго интереса, присутствуя въ этихъ засѣданіяхъ, поучаясь тому, они не малую пользу выносили изъ знакомства, съ тѣмъ какъ ведутся научныя засѣданія, каковы должны быть пріемы спокойной научной критики, слѣдовательно тѣмъ самымъ достигалась Обществомъ педагогическая цѣль. Многіе изъ гг. студентовъ дѣлали и самостоятельныя научныя сообщенія, произведенныя ими въ нашихъ лабораторіяхъ и клиникахъ. Нужно отдать полную справедливость, что за послѣдніе годы наше студенчество весьма охотно и въ большомъ числѣ занимается самостоятельными работами въ кабинетахъ, лабораторіяхъ, клиникахъ,—и результатомъ этихъ работъ появляются очень часто выдающіяся изслѣдованія.

Можно сказать съ увѣренностію, что въ этомъ отрадномъ явленіи и наше Общество играло не малую роль, поощряя молодыя силы коллегъ къ ученымъ трудамъ. Этимъ исчерпывается, такъ сказать, внутренняя жизнь нашего Общества, которая слагается, какъ видите, изъ дѣятельности чисто-научной, поскольку оно представляетъ изъ себя учрежденіе, въ которомъ дѣлались научныя сообщенія, изслѣдованія, открытія въ области медицинскихъ знаній; учено-педагогической,—поскольку оно являлось пособникомъ и руководителемъ для молодыхъ ученыхъ, врачей и студентовъ.

Общество наше не ограничилось только указанной стороной своей жизни; оно шло дальше, вступило въ соотношеніе съ міромъ внѣшнимъ при помощи издаваемыхъ имъ печатныхъ трудовъ. Этими печатными трудами Общество наше обмѣнивается со всѣми почти повременными изданіями, чѣмъ обусловливается обогащеніе библіотеки, которая насчитываетъ достаточное число изданій и книгъ.

Изъ нашихъ печатныхъ трудовъ каждый, интересующiйся нашимъ Обществомъ, можетъ изучить его внутреннюю жизнь и задачи.

Такъ заканчиваетъ свое 25-ти лѣтнее существованiе Общество Научной Медицины и Гигiены и намъ остается пожелать, чтобы оно и впредь не отступало отъ своей программы, упрочивало, совершенствовало и расширяло свою просвѣтительную дѣятельность для славы нашего университета и пользы человѣчества.

О протоплазмѣ.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи общества

Проф. Кульчицкимъ.

М. Г.

Я рѣшаюсь остановить ваше вниманіе на тѣхъ успѣхахъ науки, которые добыты въ послѣднія двадцать пять лѣтъ въ одномъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ біологіи, въ вопросѣ о томъ, что такое протоплазма, эта живая матерія, этотъ субстратъ, съ которымъ связаны всѣ проявленія жизни. Я конечно далекъ отъ мысли исчерпать въ настоящей краткой бесѣдѣ весь относящійся сюда матеріалъ и еще меньше имѣю возможности передать его въ сколько нибудь обработанной формѣ. Для этого потребовалось бы слишкомъ большое время и мнѣ пришлось бы, не справившись съ своей задачей, лишь утомить ваше благосклонное вниманіе. Я постараюсь однако передать вамъ нѣсколько существенныхъ моментовъ въ развитіи ученія о протоплазмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить ту разницу, какая существуетъ между нашими теперешними взглядами на живую матерію и тѣмъ, что было четверть вѣка тому назадъ.

Въ началѣ 70 годовъ никто не сомнѣвался въ томъ, что высшіе организмы животнаго и растительнаго царства состоятъ изъ отдѣльныхъ протоплазматическихъ тѣлъ, клѣточекъ, celullae. Никто не сомнѣвался и въ томъ, что клѣтки по существу тожественны съ элементами низшихъ животныхъ и растеній, а также и съ элементами простѣйшими. Вотъ почему въ то время, какъ и теперь, клѣтки называли элементарными организмами. Твердо стоялъ уже и тогда фактъ, что элементарные организмы живутъ полной жизнью, т. е. что они питаются, дышатъ, размножаются и выполняютъ много разнообразныхъ жизненныхъ функцій. Изслѣдователи того времени принимали, что клѣтки состоятъ изъ протоплазмы, которая составляетъ

предметъ нашей бесѣды, и ядра, а иногда еще и изъ тонкой оболочки.

Въ 1872 году, съ котораго мы начинаемъ наше изложеніе, во взглядахъ на протоплазму господствовала теорія Max Schultze. Этотъ геніальный анатомъ и естествоиспытатель полагалъ, что протоплазма есть однородное стекловидное прозрачное вещество, въ которомъ заложены или могутъ быть заложены крупныя или мелкія зерна. По своимъ физическимъ свойствамъ протоплазма, по M. Schultze, приближалась къ тягучимъ жидкостямъ и даже къ твердымъ тѣламъ, была подобна мягкому воску.

Однако уже въ то время было много, правда, разбросанныхъ еще фактовъ, которые тѣмъ не менѣе наталкивали на мысль, что протоплазма можетъ быть построена иначе, нежели это принималъ M. Schultze. Такъ еще въ шестидесятыхъ годахъ Pflüger и Fromann, Ebert и др. подмѣчали въ протоплазмѣ нитчатое и сѣтевидное строеніе. Всѣ эти отдѣльныя наблюденія послужили основаніемъ новой теоріи структуры протоплазмы, высказанной Heitzmann'омъ (1873). По его мнѣнію протоплазма состоитъ изъ двухъ дифферентныхъ частей— густой сѣтки тончайшихъ нитей, и особаго тягучаго однороднаго вещества, которое выполняетъ петли протоплазматической сѣти. Kupffer, подтвердившій наблюденія Heitzmann'a и признавшій его теорію протоплазмы, называетъ ту часть клѣточнаго тѣла, которая представляется въ видѣ сѣти, *протоплазмой*, а ту часть, которая выполняетъ петли этой сѣти, *параплазмой*. Вскорѣ очень много изслѣдователей приняли теорію сѣтевидной структуры протоплазмы и среди наиболѣе видныхъ защитниковъ ея можно отмѣтить Schwalbe, Klein'a, Strasburger'a, Fromann'a, Arnold'a и др. Тѣмъ не менѣе теорія сѣтевидной структуры не заняла господствующаго положенія и быть можетъ потому, что Heitzmann, ея авторъ, вмѣстѣ съ наблюденіями по крайней мѣрѣ вѣроятными, описалъ цѣлую массу фактовъ совершенно невѣрныхъ. И то и другое послужило ему въ одинаковой мѣрѣ для созданія теоріи протоплазмы. Вполнѣ естественно, что много изслѣдователей отнеслись къ ней скептически. Теорію Heitzmann'a поддерживали, какъ уже сказано, очень видные изслѣдователи, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести также Leydig'a и его учениковъ. Впрочемъ Leydig внесъ въ эту теорію новое и въ высшей степени интересное толкованіе. Онъ признаетъ въ протоплазмѣ сѣтевидную структуру, но придаетъ протоплазменной сѣти характеръ недѣятельной части, скелета. Эту часть протоплазмы онъ

называетъ *spongioplasma*. Дѣятельную часть протоплазмы составляетъ другое однородное вещество, заложенное въ петляхъ spongioplasma. Эту часть протоплазмы Leydig называетъ *hyoloplasma* и считаетъ ее сократительной. Толкованіе Leydig'а скоро нашло себѣ поддержку (Nansen, Griesbach и др.).

Нѣсколько позднѣе сформировалась другая теорія протоплазмы, развитая главнымъ образомъ Flemming'омъ. Теорія Flemming'а, къ сожалѣнію, быстро заняла выдающееся положеніе и господствовала съ начала 80-хъ годовъ, почти до настоящаго времени, представляя собой наиболѣе слабую теорію въ отношеніи фактическихъ данныхъ, на которыхъ она покоилась. Flemming полагалъ, что протоплазма состоитъ изъ двухъ веществъ—нитчатаго (filarmasse, Mitom) и свѣтлаго однороднаго вещества (interfilarmasse, Pamitom).

Нити Mitom'а по Flemming'у другъ съ другомъ только сплетены, но не представляютъ какой нибудь правильной структуры и во всякомъ случаѣ правильно построенной сѣти не составляютъ. Я не имѣю возможности здѣсь возражать противъ гипотезы Flemming'а подробнымъ разборомъ ея, но считаю долгомъ замѣтить, что изъ матеріала, даннаго самимъ Flemming'омъ, теорія нитчатой структуры никакъ не вытекаетъ. Впрочемъ въ самое послѣднее время Flemming сильно поколебался въ своемъ ученіи и не прочь признать хотя и не во всѣхъ случаяхъ сѣтевидную структуру протоплазмы. Повидимому, всѣ изслѣдователи, усвоившіе себѣ теорію Flemming'а, принимали нитчатое вещество за наиболѣе дѣятельное, быть можетъ сократительное. Нити этого вещества еще Flemming считалъ неоднородными, а состоящими изъ отдѣльныхъ зеренъ. Въ послѣднее время на зернистое строеніе нитей протоплазмы указываетъ M. Heidenhain. Послѣдній утверждаетъ, что зерна протоплазматическихъ нитей или, какъ ихъ по почину Strasburger'а называютъ, микрозомами соединены другъ съ другомъ особыми промежуточными членками (Bindeglieder).

Зернистое строеніе протоплазматическихъ нитей и вообще зерна протоплазмы всегда обращали на себя вниманіе изслѣдователей. Не разъ имъ придавалось особое значеніе. Такъ еще въ 1867 году Bechamp и Estor признавали зерна протоплазмы за настоящіе элементы организма. Они называли ихъ *микрозимами*. При разрушеніи клѣтки, если микрозимы не были повреждены, они могутъ жить свободно въ формѣ кокковъ и бактерій, а иногда вновь соединяются въ колоніи, клѣтки.

Тоже воззрѣніе, основанное на наблюденіяхъ надъ цвѣтными элементами крови, проводитъ проф. Скворцовъ (1885) и, сколько мнѣ извѣстно, держится его до настоящаго времени. Проф. Скворцовъ производилъ свои наблюденія надъ жизнью эритроцитовъ или, какъ онъ называетъ ихъ, гематовъ, въ 1% растворъ Либиховскаго экстракта. Наблюденіе длилось цѣлыми недѣлями. Главный результатъ этихъ наблюденій состоялъ въ томъ, что зернышки кровяныхъ тѣлецъ, отдѣляясь отъ этихъ послѣднихъ, не только продолжали жить, но получали или сохраняли способность размножаться и даже служить исходнымъ пунктомъ образованія новыхъ эритроцитовъ.

Наблюденія проф. Скворцова, со стороны фактической были подтверждены еще недавно I. Arnold'омъ, въ его работѣ о процессахъ свертыванія. Arnold однако даетъ своимъ наблюденіямъ иное толкованіе, нежели проф. Скворцовъ.

Въ Германіи ученіе о зернистомъ строеніи протоплазмы было, развито Altmann'омъ, основателемъ теоріи «гранулъ» (Glanulalehre). Онъ изучалъ зерна протоплазмы при помощи особаго метода окрашиванія (кислый фуксинъ съ послѣдовательнымъ раскрашиваніемъ пикриновой кислотой) и нашелъ, что такъ называемое основное вещество протоплазмы (paraplasma, hyaloplasma) неоднородно, а состоитъ изъ особыхъ зеренъ, жадно захватывающихъ кислый фуксинъ, *фуксинофиловыя* зерна. Эти послѣднія Altmann принимаетъ за элементы, біобласты, изъ которыхъ когда-то въ доисторическое время сложилась клѣтка. Біобласты живутъ и нынѣ самостоятельно, въ формѣ такъ называемыхъ микроорганизмовъ (кокки, бактеріи и т. д.). Онъ называетъ ихъ по этому аутобластами. Біобласты, входящіе въ составъ клѣточнаго тѣла, по Altmann'у, уже лишены способности къ самостоятельной жизни. Въ настоящее время, лучше сказать, въ своихъ послѣднихъ работахъ Altmann значительно уклоняется отъ своего первоначальнаго ученія, а именно онъ полагаетъ, что и такъ называемое интергранулярное вещество (spongioplasma, нитчатое вещество другихъ авторовъ) также состоитъ изъ гранулъ и эти послѣднія даже служатъ родоначальниками для зеренъ основного вещества, которыя стало быть не могутъ считаться первичными элементами. Эти новыя разъясненія несомнѣнно вредятъ теоріи Altmann'a, какъ таковой, и сдѣланы конечно по необходимости, т. е. подъ давленіемъ фактовъ, которые наблюдалъ Altmann и которые были бы конечно очень скоро описаны другими авторами, если бы этого не сдѣлалъ Altmann, щадя свою теорію.

Зернистое строеніе протоплазмы или лучше сказать присутствіе зеренъ въ протоплазмѣ было подтверждено множествомъ изслѣдователей и съ фактической стороны едвали есть какой либо поводъ сомнѣваться въ ихъ существованіи, но смыслъ и значеніе ихъ опредѣляются различно. Если нѣкоторые авторы считаютъ ихъ за болѣе или менѣе самостоятельные элементы, отожествляя ихъ съ кокками, бактеріями и другими микроорганизмами, то съ другой стороны нѣтъ недостатка въ изслѣдователяхъ, которые отрицаютъ эту точку зрѣнія и считаютъ зерна протоплазмы лишь за продуктъ ея жизнедѣятельности (Митрофановъ и его ученики, Смирновъ, Миславскій и др.).

Позднѣе другихъ (1892) была формулирована еще одна теорія строенія протоплазмы и при томъ въ высшей степени оригинальная. Она принадлежитъ Bütschli. Это такъ называемая альвеолярная теорія или теорія пѣнистаго строенія протоплазмы.

Бючли предположилъ, что тѣ сѣти, которыя мы легко можемъ наблюдать въ клѣточномъ тѣлѣ очень многихъ элементовъ, въ дѣйствительности представляютъ лишь оптическіе перерѣзы маленькихъ вакуолъ и что такимъ образомъ протоплазму можно сравнить съ своеобразно устроенной пѣной. Интересно въ теоріи Бючли то, что онъ не ограничился въ данномъ случаѣ однимъ толкованіемъ картинъ, видимыхъ подъ микроскопомъ, а попытался воспроизвести протоплазму экспериментально. Конечно Bütschli протоплазмы дѣйствительной не сдѣлалъ, но получилъ тѣмъ не менѣе нѣчто, поразительно похожее на живую протоплазму. Его опытъ состоитъ въ слѣдующемъ: Bütschli бралъ небольшое количество оливковаго масла и растиралъ въ немъ углекислый калій или сахаръ, такъ, чтобы получилась по возможности равномѣрная смѣсь. Если взять за тѣмъ частичку этой послѣдней, прибавить каплю воды и изслѣдовать подъ микроскопомъ, то не трудно видѣть, что лежащія въ маслѣ частички соли или сахара притягиваютъ воду и растворяются, при чемъ смѣсь, рекомендуемая Bütschli, превращается въ тончайшую пѣну, въ высшей степени сходную по видимой структурѣ съ протоплазмой. Если мы припомнимъ, что подобныя смѣси могутъ совершать самостоятельныя движенія, какъ это не трудно замѣтить изъ опытовъ Gad'а и Quincke, то сходство пѣны Bütschli съ живой матеріей можетъ сдѣлаться поразительнымъ.

До сихъ поръ противъ гипотезы Bütschli не сдѣлано существенныхъ возраженій. Наиболѣе сильными изъ нихъ считаютъ возра-

женія O. Hertwig'a, который говорить, что взятый Бючли примѣръ не можетъ служить аналогіей для структуры протоплазмы потому, что въ полученной Бючли пѣнѣ стѣнки ея пузырьковъ состоятъ изъ масла, т. е. вещества, не смѣшивающагося съ окружающей жидкостью, между тѣмъ какъ протоплазму составляютъ бѣлковыя тѣла, смѣшивающіяся съ водой, слѣдовательно даны такія условія, при которыхъ существованіе пѣны невозможно. Къ сожалѣнію, Bütschli слабо защищалъ свою теорію противъ только что приведеннаго возраженія, а именно онъ допустилъ, что плазматическія пластинки, ограничивающія пузырьки протоплазмы, состоятъ изъ какого-то сочетанія бѣлка съ жиромъ, что по его мнѣнію уменьшало способность этихъ пластинокъ смѣшиваться съ водой и такимъ образомъ могла бы возникнуть достаточная устойчивость пѣнистой структуры протоплазмы. Однако такое допущеніе Bütschli разумѣется не могло отклонить возраженій Гертвига уже потому, что оно не имѣетъ никакой фактической опоры, а представляетъ чистое и при томъ весьма мало вѣроятное предположеніе. Я съ своей стороны, не будучи приверженцемъ теоріи Бючли, полагаю, что возраженія Гертвига не могутъ имѣть существеннаго значенія по многимъ причинамъ, которыя не могли быть неизвѣстными самому Гертвигу.

Мы знаемъ, что скелетъ протоплазмы, ея строму составляетъ особое тѣло, которое мы называемъ пластиномъ и которое представляетъ сочетанную форму бѣлка (нуклео-альбуминъ). Въ книгѣ самаго Гертвига приведены основныя свойства этого тѣла, а именно,— его нерастворимость въ водѣ и въ растворахъ среднихъ солей, а послѣднія и пропитываютъ клѣточное тѣло. Изъ этого слѣдуетъ само собой, что пластинъ въ состояніи обезпечить формовую структуру протоплазмы вполнѣ аналогичную смѣси Бючли и при томъ гораздо болѣе совершенную уже потому, что въ протоплазмѣ, если она имѣетъ строеніе пѣны, каждая альвеола, каждый пузырекъ будетъ отдѣленъ отъ окружающей среды нерастворимой, но въ то же время легко проницаемой стѣнкой и такимъ образомъ обмѣнъ веществъ протоплазмы будетъ итти легко, безъ малѣйшихъ препятствій.

Изъ всего приведеннаго выше легко видѣть, что изслѣдователи далеко не пришли еще къ окончательному выводу о строеніи протоплазмы. Однако все то, что сдѣлано въ этой области, привело къ одному важному общему результату, который выработанъ общими силами и не принадлежитъ никому въ отдѣльности. Дѣло въ томъ, что за это время коренным образомъ измѣнилось самое понятіе о

протоплазмѣ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ господствовало понятіе о протоплазмѣ, какъ о веществѣ, въ настоящее же время съ протоплазмой связывается понятіе объ образованіи, имѣющемъ своеобразное формовое строеніе. Понятіе о протоплазмѣ изъ субстанціальнаго сдѣлалось понятіемъ морфологическимъ [1]).

Нетрудно видѣть существенную разницу современнаго воззрѣнія на живую матерію отъ того, что принимали въ этомъ отношеніи двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Нетрудно намѣтить и тотъ путь, по которому вѣроятно пойдетъ ученіе о клѣткѣ. Если тѣло этой послѣдней есть морфологически сложное тѣло, то изученіе, такъ называемыхъ, зеренъ протоплазмы является дѣломъ первостепенной важности. Это изученіе уже началось и въ настоящее время существуетъ уже цѣлая литература о зернистости по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ элементовъ (лейкоцитовъ). Къ нашему счастью мы владѣемъ огромнымъ запасомъ цвѣтныхъ реагентовъ, красокъ, которыми послѣ изслѣдованій Эрлиха можемъ пользоваться съ полной надеждой на успѣхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ данныя наблюденія понемногу подкрѣпляются и путемъ опыта. Въ этомъ отношеніи едва ли не первое мѣсто въ современной литературѣ занимаютъ работы нашего знаменитаго соотечественника академика *А. О. Ковалевскаго*, по физіологіи железъ. Въ данную минуту, м. г., я располагаю слишкомъ малымъ временемъ, чтобы передать Вамъ, какъ далеко ушли мы за послѣднія 25 лѣтъ въ нашихъ познаніяхъ о живой матеріи помимо ея морфологіи. Достаточно отмѣтить, что никто теперь не считаетъ протоплазму за тѣло твердое. Напротивъ, въ настоящее время мы

---

[1]) Не могу не замѣтить, что на такую перемѣну взгляда на протоплазму оказали не малое вліяніе и тѣ изслѣдователи, которыя опредѣлили отношеніе протоплазмы къ ядру и особенно тѣ, которыя касались изученія еще загадочнаго пока тѣльца centrosoma, которое по господствующему воззрѣнію принадлежитъ протоплазмѣ и въ нѣкоторые моменты жизни клѣтки играетъ выдающуюся роль. *Centrosoma* впервые была описана van Beneden'омъ (1884) въ его знаменитомъ сочиненіи о процессахъ оплодотворенія у Ascaris meg. Извѣстно, что при дѣленіи клѣтки centrosoma дѣлится на двѣ части, которыя устанавливаются у полюсовъ клѣтки и составляютъ какъ бы центры, около которыхъ формируются дочерніе элементы. Во время этого процесса легко подмѣтить, что вся протоплазма какъ бы перестраивается и въ теченіе нѣкотораго времени значительно отличается морфологически отъ своего обычнаго состоянія, когда клѣтка находится въ покоѣ.

склонны считать ее за тѣло почти жидкое, такъ какъ протоплазма имѣетъ не менѣе 80°/₀ воды, а иногда гораздо болѣе. Ея удѣльный вѣсъ 1,25.

Не смотря однако на крупные успѣхи, которые сдѣлала наука въ области изученія живой матеріи, протоплазмы, мы и теперь, какъ 25 лѣтъ назадъ, стоимъ передъ вопросомъ о жизни, какъ передъ загадкой, и какъ 25 лѣтъ тому назадъ спрашиваемъ себя, разрѣшима ли она для человѣческаго ума. Къ сожалѣнію, этотъ роковой вопросъ и въ данную минуту приходится признать открытымъ: а рядомъ съ нимъ невольно встаетъ другой вопросъ, неужели прошелъ даромъ этотъ колоссальный трудъ толпы труженниковъ науки, неужели мы должны примириться съ безнадежнымъ «ignorabimus». Нѣтъ! Все, что мы пережили за эти 25 лѣтъ, тотъ успѣхъ научнаго изслѣдованія, который мы видимъ въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ науки, порождаетъ въ насъ надежду на свѣтлое будущее. «Ignoramus» говоримъ мы теперь и въ то же время лелѣемъ въ себѣ отрадную мысль, что на нивѣ человѣческаго труда взойдетъ когда-нибудь геній, который какъ яркій лучъ освѣтитъ нашимъ потомкамъ все, что кажется намъ теперь такой непроглядной темнотой.

Объ успѣхахъ гигіены въ послѣднія 25 лѣтъ.

Проф. Ир. П. Скворцовъ.

Общая исторія положительной науки показываетъ, что различныя ея части развивались болѣе или менѣе параллельно и вообще въ связи и зависимости одна отъ другой. Коперникъ, Парацельсъ и Везалій Галилей и Гарвей, Лавуазье и Биша́ были современниками. Современникомъ послѣднихъ былъ и Петръ Франкъ, систематизировавшій впервые такъ называемую медицинскую полицію, родоначальницу «общественной гигіены», изъ которой развивается теперь общая наука о здоровьѣ, *гигіологія*, стоящая на ряду съ общей наукой о болѣзняхъ, патологіей. Какъ практическое примѣненіе патологіи къ лѣченію болѣзней составляетъ собственно медицину, такъ практическое примѣненіе гигіологіи къ охраненію здоровья осуществляется въ гигіенѣ собственно.—Такое вступленіе необходимо для того, чтобы избѣгнуть недоразумѣній по поводу послѣдующаго изложенія.

Исторія медицины показываетъ, что ознакомленіе съ извѣстными формами болѣзней и примѣненіе къ нимъ тѣхъ или другихъ мѣръ въ интересахъ возстановленія здоровья не только вообще предшествовало развитію научной патологіи, но даже чуть не до текущаго столѣтія составляло все ея, т. е. исторіи медицины, содержаніе, такъ какъ разнаго рода медицинскихъ обобщеній Гиппократа, Галена, Парацельса, Ванъ-Гельмонта и др. мы не можемъ признавать научными. Они имѣютъ значеніе лишь для исторіи медицинской мысли, а не для исторіи научной патологіи и даже научной

медицины вообще. Тоже вполнѣ примѣнимо и къ научной гигіенѣ, а особенно къ основной ея части—гигіологіи.

И вполнѣ понятно, почему именно наука о человѣкѣ, о его здоровьѣ и болѣзняхъ, такъ запоздала въ своемъ развитіи. Человѣкъ, какъ всякій другой предметъ въ мірѣ, какъ спеціально всякое живое существо, представляетъ собою только извѣстную составную часть міра, стоящую въ полнѣйшей зависимости отъ общихъ условій существованія послѣдняго. Не зная міра, не зная его свойствъ и условій какъ его существованія, такъ и всевозможныхъ въ немъ измѣненій въ частности, люди не могли опредѣлять и своихъ къ нему отношеній, не могли уяснить себѣ своей отъ него зависимости, гордо считая себя міромъ въ мірѣ (микрокосмомъ). А между тѣмъ и наука о природѣ зародилась въ надлежащемъ своемъ видѣ лишь сравнительно недавно. Основателемъ ея, несомнѣнно, былъ Коперникъ, дерзнувшій впервые вывести человѣческую мысль съ грубо эмпирической точки зрѣнія на міръ на точку прагматическую. А Коперникъ жилъ въ первой половинѣ XVI в., одновременно съ положившимъ основаніе современной анатоміи Везаліемъ.

Коперникомъ начинается эра положительной науки, а Галилей, главная дѣятельность котораго относится къ первой четверти XVII в., создалъ эпоху въ ея развитіи, положивъ основаніе современной научной физикѣ. Современная научная химія, какъ извѣстно, начинаетъ свою исторію лишь съ послѣдней четверти XVIII в., со времени Шееле, Кэвендиша, Пристлея и Лавуазье. За первымъ обоснованіемъ общей механики слѣдовало открытіе Гарвеемъ кровообращенія, съ первымъ выясненіемъ химическихъ явленій вообще и химическихъ свойствъ воздуха въ частности явилась возможность выяснить жизненное значеніе дыханія и понять смыслъ общаго обмѣна веществъ и силъ въ живомъ тѣлѣ.

Съ этого послѣдняго момента собственно и начинается то поразительное по быстротѣ и богатству результатовъ, развитіе положительной науки вообще и науки о жизни въ частности, свидѣтелями котораго мы имѣемъ счастье быть. И наука о человѣкѣ въ обширномъ смыслѣ, т. е. какъ та часть, которая занимается внутреннимъ его (и другихъ существъ) строеніемъ и внутренними отправленіями (энтобіологія), такъ и та, которая изслѣдуетъ соотношенія человѣка (и другихъ существъ) съ внѣшнимъ для него міромъ (эктобіологія) шла и идетъ въ своемъ развитіи параллельно съ развитіемъ науки о природѣ вообще.

Съ одной стороны открываетъ новые міры телескопъ, съ другой—микроскопъ. Съ одной стороны примѣненіе спектральнаго анализа, фотографіи и др. физико-химическихъ способовъ изслѣдованія позволяютъ проникать въ глубокіе тайники мірозданія въ его настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, съ другой—съ помощью подобныхъ же способовъ мы все глубже и глубже входимъ въ область научнаго пониманія жизни вообще и жизни человѣка въ частности. Быстрота сообщеній и разнаго рода сношеній, какъ личныхъ, такъ письменныхъ и печатныхъ, способствуетъ съ своей стороны быстрому распространенію всякаго рода новыхъ открытій, обобщеній, способствуетъ скорой ихъ повѣркѣ и скорому примѣненію къ практическимъ потребностямъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ всѣмъ памятная исторія х-лучей Рентгена. Все теперь идетъ съ лихорадочной поспѣшностью и наука не только не отстаетъ, какъ прежде, но идетъ даже впереди всего. Двадцатипятилѣтній періодъ теперь какъ въ области науки, такъ и въ области техники имѣетъ въ ихъ исторіи гораздо болѣе значенія, чѣмъ цѣлые вѣка прежде, чѣмъ даже цѣлое тысячелѣтіе такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ.

Назадъ тому 25 лѣтъ гигіена вездѣ переживала, такъ сказать, періодъ насажденія. Первыя каѳедры гигіены въ университетахъ были одновременно основаны у насъ въ Казани и въ Германіи—въ Мюнхенѣ, именно въ 1865 г. Каѳедру въ Казани занялъ тогда мой глубокоуважаемый учитель Ар. Ив. Якобій, бывшій до того тамъ же профессоромъ судебной медицины и медицинской полиціи, а каѳедру въ Мюнхенѣ получилъ бывшій до того профессоромъ медицинской химіи М. Ф. Петенкоферъ, по почину котораго и для котораго собственно и была основана эта первая гигіеническая каѳедра въ Германіи. До того и во многихъ мѣстахъ нѣкоторое время послѣ того гигіена, подъ именемъ медицинской полиціи и потомъ общественной гигіены, преподавалась почти какъ побочный предметъ главнымъ образомъ профессорами судебной медицины.

У насъ учрежденіе первой каѳедры гигіены не имѣло никакого отношенія къ лицу, а было вызвано научными и практическими потребностями. Поэтому понятно, почему уже къ началу 80-хъ годовъ всѣ наши университеты имѣли самостоятельныя каѳедры гигіены, хотя онѣ, какъ таковыя, вошли лишь въ Университетскій Уставъ 1883 г. Въ Германіи отъ основанія первой каѳедры гигіены до основанія второй прошло ровно 20 лѣтъ. Именно только въ 1885 г. была основана каѳедра гигіены въ Берлинѣ и опять

спеціально для извѣстнаго лица, именно для Р. Коха, только что тогда возвратившагося изъ научнаго путешествія въ Египетъ и О.-Индію, гдѣ онъ открылъ холернаго вибріона и когда онъ достигъ апогея своей славы. Въ концѣ 80-хъ годовъ въ Германіи было только 4 самостоятельныхъ каѳедры гигіены — въ Мюнхенѣ, Берлинѣ, Іенѣ и Гёттингенѣ. Даже въ нарочито лелѣемомъ Страсбургскомъ университетѣ профессоръ гигіены появился только въ 1896 г. Въ настоящее время каѳедры гигіены имѣются уже почти во всѣхъ германскихъ университетахъ, что можно сказать и про университеты въ другихъ странахъ.

Параллельно съ развитіемъ преподаванія гигіены шло и развитіе разработки разнаго рода гигіеническихъ вопросовъ, какъ и распространеніе примѣненія ея къ жизни. Однако и при этомъ нужно замѣтить, что гигіеническая или, вѣрнѣе, санитарная, оздоровительная практика до этого шла впереди научной теоріи, какъ и въ области медицины собственно. Указаніе на тѣ или другія санитарныя мѣры мы находимъ въ самыхъ древнихъ письменныхъ памятникахъ,—египетскихъ, индійскихъ, еврейскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, при самомъ первомъ пробужденіи сознанія, люди не могли не замѣтить, что извѣстнаго рода дѣйствія, извѣстныя свойства среды, вообще весь образъ жизни могутъ вести за собой вредныя для жизни и здоровья послѣдствія. Хотя это обыкновенно ставилось раньше въ зависимость отъ вліянія таинственныхъ силъ, но эти силы можно было вызывать и не вызывать. Какъ извѣстно, въ основѣ классическаго, особенно греческаго воспитанія лежалъ гигіеническій идеалъ, выражающійся въ афоризмѣ «mens sana in corpore sano».

Въ христіанскую эпоху идеалъ этотъ палъ, тѣло долго оставалось въ пренебреженіи и даже заботливость о немъ считалась грѣховнымъ, языческимъ дѣломъ, хотя Ап. Павелъ и говоритъ: «ни ктоже плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю» (Посл. къ Ефес., гл. V). Даже самъ Великій Учитель не пренебрегалъ своей человѣческой тѣлесной природой, такъ что фарисеи съ укоромъ указывали на это. «Пришелъ Сынъ Человѣческій, ѣстъ и пьетъ; и говорятъ: вотъ человѣкъ, который любитъ и ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ» (Матѳ. IX, 19). Въ то же время самъ Спаситель сказалъ: «довольно для ученика, чтобы онъ былъ, какъ учитель» (Матѳ. X, 25). Въ связи съ возникшей, вопреки всему этому, ненавистью къ плоти стоитъ полный упадокъ, такъ

называемаго свѣтскаго знанія, а также и то явленіе, что на протяженіи почти всѣхъ среднихъ вѣковъ христіанское населеніе по всему Старому Свѣту, то и дѣло подвергалось страшнымъ опустошеніямъ отъ всякаго рода повальныхъ болѣзней, особенно чумы, проказы. Подъ вліяніемъ ужасовъ, навѣвавшихся этими болѣзнями, и зародились первые зачатки общественныхъ санитарнымъ мѣръ, соотвѣтствовавшихъ по своему проявленію, господствовавшимъ тогда схоластико-мистическимъ воззрѣніямъ. Достаточно при этомъ вспомнить мѣры для изолированія больныхъ (напр. въ лепрозеріяхъ) и цѣлыхъ пораженныхъ болѣзнью мѣстностей. Петръ Франкъ въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія могъ собрать уже довольно большой и разнообразный матеріалъ изъ области «медицинской полиціи», особенно что касается заразныхъ болѣзней.

Но, собственно говоря, исторія санитарной практики началась съ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія, подъ вліяніемъ страха, навѣяннаго первой холерной эпидеміей. Санитарному дѣлу при этомъ очень много помогла начавшая пріобрѣтать въ то время самостоятельное значеніе статистика, предшественницей, которой въ Англіи была возникшая еще въ XIII стол. политическая ариѳметика, на ряду съ достаточно обоснованной въ то время теоріей вѣроятностей. Статистика въ примѣненіи къ населенію или, какъ ее теперь называютъ, демографія дала возможность опредѣлять вліяніе на общественное здоровье, принимаемыхъ въ его интересахъ мѣръ.

Первою, подъ вліяніемъ первой холерной эпидеміи, принявшейся за улучшеніе санитарнаго состоянія поселеній, преимущественно городовъ, страною была Англія, которая къ серединѣ 70-хъ годовъ нашего столѣтія имѣла уже хорошо и подробно выработанное санитарное законодательство, соотвѣтственно поставленныя санитарныя учрежденія и правильно организованную санитарную статистику.

Для гигіениста въ началѣ 70-хъ годовъ Англія была самой передовой страной, каковой она впрочемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ осталась и до сихъ поръ.

Лучшимъ руководствомъ по гигіенѣ, когда я учился, т. е. въ концѣ 60-хъ годовъ, было руководство англичанина Паркса. Нѣмцы въ то время составляли все еще по примѣру П. Франка, руководства по медицинской полиціи (Шюрмейеръ, Ліонъ, Паппенгеймъ), чего придерживались главнымъ образомъ и французы (Тардьё). Но въ то время, какъ въ Англіи развивались статистическая и тех-

ническая (въ видѣ устройства водопроводовъ, канализацій) стороны гигіены, въ Германіи, благодаря Петтенкоферу, возникла экспериментальная гигіена, стремившаяся опытнымъ путемъ выяснить связь возникновенія и распространенія болѣзней съ такими внѣшними условіями существованія, какъ воздухъ, вода, почва, пища. Особенно сильный толчекъ развитію этой гигіены далъ почвенная теорія Петтенкофера относительно холеры и брюшного тифа.

Назадъ тому 25 лѣтъ у насъ въ Россіи, какъ и въ Германіи, только и была «школа Петтенкофера», дополняемая опытомъ и статистикой Англіи и много меньше Франціи и Германіи. Собственно науки гигіены еще тогда не было, но происходило лишь довольно обильное, хотя и одностороннее накопленіе матеріала для нея.

Въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ область гигіены и въ практическомъ, и въ теоретическомъ отношеніи развивалась неимовѣрно быстро и за это время накопилась подавляющая масса самаго разнообразнаго матеріала. Возникновеніе и развитіе микробологіи (бактеріологіи), происшедшее въ этотъ періодъ, ни на одной наукѣ не отразилось такъ сильно, какъ на гигіенѣ. Стараясь объ отысканіи и затѣмъ устраненіи причинъ болѣзней, гигіена естественно должна была сосредоточить свое главное вниманіе на непосредственныхъ производителяхъ болѣзней и на способахъ ихъ уничтоженія, такъ называемой дезинфекціи.

Занимаясь изученіемъ условій существованія микробовъ, ученые, по необходимости, должны были производить самыя тщательныя изслѣдованія и тѣхъ разнаго рода средъ, куда микробы могли попадать и гдѣ они могли развиваться. Воздухъ, вода, почва, всевозможные предметы внутренняго потребленія подверглись въ виду этого подробнымъ физическимъ и химическимъ изслѣдованіямъ, въ связи обыкновенно съ мѣстомъ ихъ нахожденія, со способами производства, сохраненія, доставки и т. д.

Въ то же время и собственно медицина, выясняющая проявленія болѣзней и намѣчающая мѣры для ихъ устраненія, или исцѣленія, занялась выясненіемъ того вліянія, которое производятъ микробы, проникшіе въ человѣческій и животный организмъ, что повело къ открытію многихъ, очень важныхъ не только въ медицинскомъ, но и вообще въ біологическомъ отношеніи явленій, какъ фагоцитозъ, естественный и искусственный иммунитетъ, образованіе въ зараженномъ организмѣ особыхъ дѣятельныхъ веществъ: токсиновъ и антитоксиновъ, примѣненіе ихъ на практикѣ въ видѣ серотерапіи....

Такъ или иначе, убѣдившись въ заразномъ происхожденіи многихъ, даже громаднаго большинства и притомъ важнѣйшихъ болѣзней, гигіенисты и врачи на практикѣ начали стремиться примѣнять противозаразныя мѣры—одни, стараясь уничтожить или ослабить заразу внѣ, а другіе—внутри организма. Эту новую эпоху обеззараживанія, или дезинфекціи открылъ Листеръ (1869) своей антисептикой ранъ, основываясь на опытахъ Пастера, убѣдившихъ въ повсемѣстномъ существованіи зародышей низшихъ организмовъ. Но особенно сильный толчекъ этому дѣлу дали изслѣдованія Коха надъ зараженіемъ ранъ (1876), его открытія сначала туберкулезнаго бацилла (1882), а потомъ холернаго вибріона (1884). Вслѣдъ за этими открытіями въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 10 лѣтъ и гигіенисты и врачи преимущественно стремились къ открытіямъ заразъ, къ изученію вообще ихъ свойствъ и затѣмъ къ борьбѣ съ ними внѣ и внутри организма. Въ это время одно за другимъ слѣдовали открытія Пастеромъ предохранительныхъ прививокъ противъ собачьяго бѣшенства и сибирской язвы, въ это время Берингъ, Китазато, Ру и др. указали на своеобразную реакцію организма относительно проникающихъ въ него заразъ, особенно на пріобрѣтеніе кровью и ея сывороткой иммунныхъ свойствъ. Первый чувствительный ударъ данному, въ высшей степени полезному для науки и жизни, увлеченію нанесла всѣмъ конечно памятная исторія съ туберкулиномъ Коха. А затѣмъ уже фагоцитарная теорія Мечникова указывала на важное значеніе въ дѣлѣ борьбы съ заразами живыхъ элементовъ тѣла. Великій патологъ Вирховъ, переживая указанный періодъ микробіолическаго увлеченія, не переставалъ напоминать, что въ организмѣ наиболѣе важное значеніе принадлежитъ не тѣмъ или другимъ жидкостямъ, сокамъ, а именно живымъ элементамъ, участіе которыхъ въ борьбѣ съ заразами оцѣнивалось обыкновенно крайне низко.

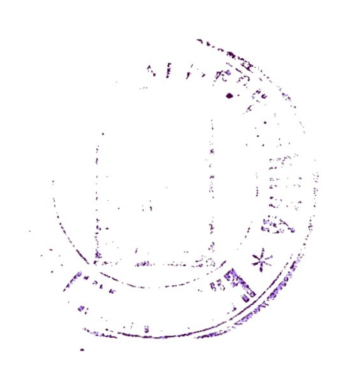
Гигіена однако въ это время руководилась не только патологическими, но и физіологическими изслѣдованіями. Особенное вниманіе въ этомъ отношеніи гигіенисты и физіологи обратили на питаніе человѣка при различныхъ условіяхъ, при чемъ исходнымъ пунктомъ послужили именно изслѣдованія физіолога Фойта и Петтенкофера. Такого рода изслѣдованія положили основаніе раціональной діэтетикѣ здоровыхъ и діэтетическому леченію больныхъ, которое быстро стало развиваться не только само по себѣ, но въ связи со всей обстановкой человѣка, какъ природной, климатической, такъ

и искусственной, бытовой, касающейся нашихъ одежды, жилища, образа жизни. Туберкулезъ и спеціально чахотка легкихъ, золотуха, рахитизмъ, разнообразныя разстройства общаго питанія и болѣзни дыхательныхъ пищеварительныхъ и др. органовъ не только предупреждаются, но и лучше всего излечиваются въ условіяхъ соотвѣтственной гигіенической обстановки и цѣлесообразнаго питанія. Дезинфекціонное увлеченіе оставило между прочимъ по себѣ въ высшей степени драгоцѣнное наслѣдство, это именно требованіе во всѣхъ случаяхъ наибольшей чистоты какъ окружающей среды, такъ и предметовъ внутренняго потребленія.

До сихъ поръ есть болѣзни, зараза которыхъ намъ неизвѣстна, именно сыпной тифъ, корь, оспа, скарлатина, собачье бѣшенство. Съ другой стороны, наблюденія надъ возникновеніемъ разнаго рода эпидемій даже такихъ болѣзней, зараза которыхъ, повидимому, точно опредѣлена, какъ брюшной тифъ, холера, дифтеритъ и въ послѣднее время чума показала, что извѣстныя намъ свойства заразъ не даютъ намъ пока никакой опоры для объясненія такого эпидемическаго распространенія. Поэтому—такая важная часть гигіены, какъ эпидеміологія, по необходимости, должна останавливаться надъ выясненіемъ разнаго рода такъ называемыхъ вспомогательныхъ причинъ, создаваемыхъ всѣми естественными и искусственными условіями жизни, т. е. климатомъ, мѣстными и временными его измѣненіями, качествами разныхъ предметовъ потребленія и искусственной бытовой обстановки, свойствами самаго населенія въ зависимости отъ его возраста, пола, занятій, питанія, образа жизни, умственнаго его развитія и нравственнаго его состоянія. Въ тоже время общія науки о природѣ, физика и химія, и о жизни, біологія, идутъ быстрыми шагами впередъ, все болѣе и болѣе соприкасаясь, а въ пограничныхъ областяхъ даже сливаясь другъ съ другомъ. Все болѣе и болѣе совершенствующіеся методы ихъ наблюденія даютъ возможность все болѣе и болѣе проникать въ такія области природы и жизни, которыя совсѣмъ недавно казались не только таинственными, но и недоступными, даже прямо никогда неразрѣшимыми. Всѣ эти успѣхи не могли не отразиться какъ на медицинѣ, такъ особенно на гигіенѣ, наиболѣе близко стоящей къ біологіи—и даже въ значительной степени сливающейся съ ней. Гигіологію собственно даже можно назвать прямо тѣмъ отдѣломъ біологіи человѣка, который занимается изученіемъ жизни человѣка въ связи съ внѣшними условіями. Но и въ медицинѣ въ настоящее время подобное біологиче-

ское направленіе выражается въ настоящее время все сильнѣе и сильнѣе, какъ доказываетъ указанное выше развитіе разнаго рода гигіеническихъ и собственныхъ діететическихъ способовъ леченія.

Если не возникновеніе, то обоснованіе и приложеніе къ жизни біологическаго направленія нашихъ наукъ, т. е. какъ научной медицины, такъ и гигіены, представляетъ собою результатъ ихъ развитія въ послѣднія 25 лѣтъ. Наше общество — чѣмъ и какъ могло, тѣмъ и такъ помогало этому развитію, и во всякомъ случаѣ чутко къ нему относилось. На будущее время мы можемъ только пожелать, чтобы это участіе его въ развитіи науки и научной практики все болѣе и болѣе развивалось.

Періодическая усталось (лѣность, апатія) и періодическіе психозы (Myasthenia psychica et psychoses periodicae)

Профессоръ Я. А. Анфимовъ.

Въ нашей спеціальной литературѣ въ послѣднее время чаще и чаще стали появляться сообщенія о новыхъ формахъ тяжелыхъ, нерѣдко смертельныхъ, функціональныхъ разстройствахъ нервно-психическаго аппарата. Таковы: «Myasthenia pseudoparalytica» *(Jolly)*, «астеническій бульбарный параличъ, или болѣзнь *Erb*'а» (*Erb, Strümpell, Кожевниковъ, Oppenheim* и друг.), «періодическое угнетеніе» *(Lange)*, «барометрическіе невриты» *(Löwenfeld)*, «meningisme» *(Dupré)* и т. д.

Откуда столько новыхъ формъ? Ужъ не правъ ли былъ Жюль Симонъ, назвавшій нашъ вѣкъ—«вѣкомъ усилій и конвульсій»?

Въ настоящемъ докладѣ я хочу подѣлиться своими наблюденіями, относящимися такъ же къ своеобразному симптомокомплексу явленій функціональнаго разстройства нервно-психической сферы.

Случайно я наблюдалъ одного за другимъ нѣсколькихъ больныхъ съ своеобразными болѣзненными явленіями, возникающими у нихъ періодически. На этихъ случаяхъ можно точно установить постепенный переходъ отъ нейрастеническихъ временныхъ угнетеній къ періодическимъ психозамъ.

1-й случай. Помѣщикъ X.—въ, 35 л., женатый, интеллигентный человѣкъ, кончилъ курсъ въ земледѣльческомъ институтѣ, ведетъ большое хозяйство, много читаетъ, много пишетъ и даже печатаетъ кое-что. Ни *lues*, ни алкоголизма нѣтъ. Невропатическая наслѣдственность значительная: дѣдъ раздражительный оригиналъ, отецъ хроническій алкоголикъ.

Въ послѣдніе 3—4 года сталъ, по его словамъ, замѣчать, что въ теченіе осени, зимы и лѣта, неожиданно для него и безъ видимой причины (хотя, впрочемъ, онъ часто отмѣчалъ легкую простуду) развивается непреодолимая лѣность, или апатическое состояніе, «обломовщина», по его выраженію. Онъ бросаетъ при этомъ на нѣсколько дней (а въ послѣднее время на 3—4 недѣли) всѣ дѣла, какъ бы они важны не были, у него появляется отсутствіе всякихъ желаній, усталость. Кромѣ того замѣчаются слѣдующіе симптомы: спячка—спитъ по 12—14 часовъ (сонъ безъ сновидѣній, но не освѣжающій), безпрерывное желаніе курить, безцѣльное движеніе отъ дивана къ кушеткѣ, изъ комнаты въ комнату, чтеніе самыхъ легкихъ французскихъ романовъ, полное паденіе половыхъ желаній, отличный, даже большой, аппетитъ, вялый стулъ. Моча нормальнаго вида. Пульсъ 65—70 въ 1′. T° всегда нормальна. Ни тоски, никакихъ волненій, ни обмановъ чувствъ и другихъ психопатологическихъ явленій не наблюдается—полный индифферентизмъ, какая-то умственная «нирвана». Онъ выслушиваетъ иногда доклады своихъ приказчиковъ, дѣлаетъ иногда кое какія указанія; но чаще всего проситъ отложить всѣ дѣла до наступленія нормальнаго состоянія, при этомъ просьбы друзей и просьбы жены не помогаютъ дѣлу: «при всемъ желаніи у меня не хватаетъ силъ шевельнуть головою, чтобы выполнить несложную работу по самымъ существеннымъ нуждамъ моего хозяйства». Проходитъ нѣсколько дней (а теперь уже недѣль) и больной сразу встаетъ въ одно утро здоровымъ: «какъ будто какое-то облако, или туманъ съ меня слетѣли». Онъ говоритъ, что иногда онъ за нѣсколько дней предчувствуетъ наступленіе этого страннаго состоянія, а чаще всего оно развивается неожиданно, послѣ легкаго охлажденія, особенно, если онъ не побережется, когда находится въ испаринѣ (потѣетъ часто, и потъ обильный).

Изслѣдованіе больного не даетъ никакихъ объективныхъ болѣзненныхъ явленій: это здоровый, цвѣтущій человѣкъ; правда, характеръ у него не стойкій, онъ вспыльчивъ, раздражителенъ, мнителенъ и даже немного суевѣренъ. По временамъ головныя боли, изрѣдка ломоты въ ногахъ и спинѣ, чувство тяжести въ затылкѣ и стягиваніе въ видѣ обруча головы. За послѣдніе 3—4 года указанное состояніе періодической апатіи дѣлается болѣе продолжительнымъ. Время года—имѣетъ нѣкоторое значеніе: всего чаще заболѣваніе приходится на осень, весною никогда не наблюдалось, лѣтомъ бываетъ въ Іюлѣ.

2-й случай.—Періодическая сонливость послѣ испуга. Этотъ случай болѣе тяжелъ, и патологическія черты заболѣванія походятъ на истерію (въ формѣ летаргическаго состоянія). Больной А. М. молодой человѣкъ 19-ти лѣтъ. Вотъ его подлинное собственноручное описаніе болѣзни. «До 13 лѣтъ я жилъ дома—въ г. Зміевѣ—и учился въ приходскомъ училищѣ, по окончаніи котораго былъ переведенъ въ I-й классъ городского училища, откуда былъ взятъ и отданъ въ г. Старобѣльскъ къ одному купцу, въ мальчики, гдѣ и получилъ свою болѣзнь. Болѣзнь я получилъ отъ испуга лошадью, слѣдующимъ образомъ: хозяинъ магазина послалъ меня запрячь лошадь, для развозки товара покупателямъ, лошадь была очень строгая и я, опасаясь, чтобы она не ушибла меня, не взялъ ее самъ изъ конюшни, а попросилъ бывшаго во дворѣ приказчика, который нѣсколько разъ ударилъ ее палкой. Со страхомъ я повелъ лошадь къ колодцу, бывшему въ этомъ же дворѣ, попоилъ, началъ вести ее къ дрогамъ. Въ это время она схватила меня зубами за воротникъ пальто и я упалъ на землю, при этомъ я сильно испугался, но ударовъ отъ лошади я не получилъ ни одного, такъ какъ во дворѣ были служащіе, которые и спасли меня. Спустя мѣсяца полтора или два послѣ этого я и заболѣлъ въ первый разъ этой болѣзнью. До испуга-же я не болѣлъ. Первый разъ я проболѣлъ 7 дней. Признаки болѣзни: *крѣпкій сонъ въ продолженіе всѣхъ семи дней. Во снѣ представляется лошадь. Сильный аппетитъ. Сильный страхъ, страшно какъ-то всего.* Во время болѣзни и послѣ выздоровленія ничего не болитъ. Проходитъ сразу. Во второй разъ я заболѣлъ мѣсяцевъ черезъ 5 или 4 и былъ боленъ дней 9. *Все время сплю, просыпаюсь только для принятія пищи, которую ѣмъ лежа или полулежа. Страхъ: чего-то боюсь, но чего собственно я и самъ не могу объяснить. Такой-же сильный аппетитъ.* Во время болѣзни и послѣ ничего не болитъ. Третій разъ я заболѣлъ мѣсяцевъ черезъ 7 и болѣлъ дней 12. Признаки болѣзни: *Все время, когда я боленъ, покойно сплю, при чемъ первые 2 или 3 дня сплю крѣпко, а потомъ часто просыпаюсь и снова засыпаю; ходить не могу—не знаю, какъ то тягостно тогда, такъ что я сейчасъ-же и ложусь; сидѣть тоже не могу, попробую сѣсть и опять мнѣ хочется спать. Вообще меня какъ-то клонитъ ко сну. Сильный страхъ.* Во снѣ представляется лошадь, въ какомъ нибудь видѣ, напримѣръ гоняется за мной, я просыпаюсь и разсказываю объ этомъ. *Сильный аппетитъ. Всѣхъ узнаю. Но*

какое то необъяснимое состояніе. Ничего не болитъ. Четвертый разъ я заболѣлъ мѣсяцевъ черезъ 6 и болѣлъ 17 дней. Признаки болѣзни: въ продолженіе всего времени сплю, просыпаюсь для принятія пищи, потомъ снова засыпаю, при этомъ 1 или 2 дня сплю крѣпче, а потомъ не такъ. Все клонитъ ко сну, не хочется ни сидѣть, ни ходить. Страшно. Снится что-либо страшное. Сильный аппетитъ. Все сознаю, разсказываю очень мало. Во время и послѣ болѣзни ничего не болитъ. Пятый разъ я заболѣлъ мѣсяцевъ черезъ 5 или 6 и болѣлъ дней 21 или 22. Признаки такіе-же; *также сплю покойно. Но не такъ стало страшно, страхъ нѣсколько слабѣе,* раньше я просилъ, чтобы возлѣ меня кто нибудь сидѣлъ, а теперь не такъ страшно; аппетитъ такой-же. Ничего не болитъ. Все я знаю, но опять какъ будто-бы чего-то недостаетъ, не могу управлять собой. Въ шестой разъ я заболѣлъ мѣсяцевъ черезъ 6 и болѣлъ 25 дней. Признаки такіе-же. Въ седьмой разъ я заболѣлъ мѣсяцевъ черезъ 5 или 6 и болѣлъ 27 дней. Признаки тѣ-же, только меньше боюсь. Въ восьмой разъ я заболѣлъ мѣсяцевъ черезъ 7 и болѣлъ 35 дней. Признаки почти тѣ-же: первый день или $1^1/_2$ сплю не просыпаюсь, а потомъ сонъ не такой крѣпкій. Не такъ страшно, но все таки какъ-то страшно куда нибудь идти. Эти 8 мѣсяцевъ я болѣлъ два раза въ годъ, послѣ этого я цѣлый годъ не болѣлъ, такимъ образомъ я 9-й разъ заболѣлъ черезъ годъ и проболѣлъ 28 или 29 дней. Признаки тѣ же. Такой-же сонъ. Такой-же аппетитъ. Такой-же уже слабѣе страхъ. Сознаю все. Но какъ то странно все. Десятый разъ я заболѣлъ черезъ 5 мѣсяцевъ и проболѣлъ 30 дней. Признаки: полтора дня я спалъ крѣпко, просыпался на короткое время и опять засыпалъ. Мнѣ было страшно и я дней 5 не открывалъ глазъ, почему то боялся, хотя они нисколько не болѣли, потомъ промылъ глаза и смотрѣлъ обыкновенно. Все остальное время по прежнему спалъ, но ничего уже не боялся такъ. Аппетитъ такой-же.

3-й случай. Представляетъ уже ясный переходъ къ періодическимъ психозамъ.

Чиновникъ 46 л., занимающій въ провинціи самостоятельный постъ. Ни сифилиса, ни алкоголизма нѣтъ. Происходитъ отъ отца, у котораго можно подозрѣвать сифилисъ. Мать нерѣшительная, нервная женщина, страдавшая частыми безсонницами. Тетка по матери душевно больная. Бабка по той же линіи умерла отъ рака; внуки ея отъ другихъ дочерей болѣли пляской Св. Витта.

Больной съ 10—11 л. сталъ онанистомъ, будто бы случайно: поднимаясь на мачту во время урока гимнастики, въ первый разъ ощутилъ половое возбужденіе. Съ этого времени неудержимо и по нѣсколько разъ продѣлывалъ на этомъ столбѣ маневры съ эротическими послѣдствіями. На 12—13 г. всевозможные виды психическаго онанизма (эротическія половыя мечты, чтеніе порнографическихъ книжекъ). На 14 году объектомъ онанизма была подушка. На 17-мъ году платоническая любовь къ дѣвицѣ значительно старше его по возрасту. На 18 году началъ неумѣренныя сношенія съ женщинами. Лѣтомъ того-же года, у него въ первый разъ появилась нерѣшительность, «самокритика», какъ онъ выражается, вялость умственныхъ силъ. Въ университетѣ преслѣдуютъ мечты объ ученой карьерѣ; много было хорошихъ порывовъ и увлеченій къ разнымъ спеціальностямъ, остановился, наконецъ, на одной, самой трудной изъ всѣхъ факультетскихъ предметовъ, но скоро бросилъ и эту. Пользовался, по совѣту проф. И. М. Балинскаго, морскими купаньями. Поступивъ на службу, скоро женился, и дѣло какъ будто пошло сносно. Но въ 1885 г. въ первый разъ неожиданно появилась *поразительная лѣность*, какъ онъ выражается. Это какое то непреодолимое чувство бездѣлія: большую часть времени лежалъ, читалъ всякіе пустяки, курилъ много, тяготился даже разговорами съ близкими людьми, служебныя дѣла забросилъ, даже говорить о нихъ не могъ. Душевное настроеніе скорѣе безразличное, чѣмъ угнетенное. Какъ то ни о чемъ не думалось, и ничто не заботило. Полное отсутствіе всякихъ желаній. Отсутствіе половыхъ влеченій, паденіе аппетита, вялый стулъ и т. д.—Сначала за этимъ періодомъ наступило обычное душевное и тѣлесное состояніе, какъ и у нашего перваго больного. Но мало по малу къ его удивленію, впослѣдствіи незамѣтно стало развиваться особое оживленіе. Наступилъ приливъ умственной энергіи: работа закипѣла, жизнерадостное чувство какъ бы поднимало его отъ почвы. Онъ сталъ даже пробовать свои литературныя силы.—Однимъ словомъ полная, счастливая противоположность первому состоянію. Оживленіе всѣхъ растительныхъ процессовъ и значительное повышеніе половыхъ желаній. Черезъ нѣкоторое время наступило обычное нормальное состояніе, которое нельзя назвать особенно блестящимъ, а скорѣе—обычнымъ, будничнымъ состояніемъ. И вотъ съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени онъ переживаетъ эти три состоянія въ своей тѣлесной и психической сферахъ. Иногда ему счастье улыбается и періодъ возбужде-

нія бываетъ длиннѣе періода анэнергіи, или лѣности, тогда особенно плодотворно идетъ работа и онъ съ избыткомъ пополняетъ всѣ служебные недочеты. Такъ какъ должность его болѣе или менѣе самостоятельная, то онъ въ періоды анэнергіи едва-едва съ помощью жены сбываетъ самыя неотложныя дѣла; но за то въ слѣдующій періодъ—онъ рѣшительно работаетъ за двухъ, за трехъ, и все идетъ въ его службѣ превосходно.

Умственное состояніе во всѣхъ періодахъ абсолютно не представляетъ какихъ либо нарушеній, кромѣ указанныхъ выше угнетеній и возбужденій въ области воли и отчасти чувства: ни обмановъ чувствъ, ни бредовыхъ мыслей, ни нарушенія сознанія—словомъ никакихъ психопатологическихъ симптомовъ нѣтъ. Это какъ будто временныя угнетенія и возбужденія только жизненныхъ, физіологическихъ функцій, какъ бы зимняя спячка животныхъ, съ одной стороны, и оживленіе жизни похожее на весеннее оживленіе въ животномъ и растительномъ царствахъ. Замѣчательно, что эти угнетенія большею частью совпадаютъ съ осеннимъ временемъ и зимними холодами. Особенно хорошо могъ я отмѣтить послѣднее обстоятельство въ слѣдующихъ трехъ другихъ случаяхъ.

4-й случай. Купецъ М. 50 л., живущій на Кавказѣ, нерѣдко съ осени начинаетъ испытывать головную боль, умственную тупость и вообще вялое существованіе, длящееся до весны.

5-й случай. Дѣвица С. 37 л., въ третій разъ заболѣваетъ угнетеніемъ съ наклонностью спать по 14—16 ч. въ сутки, съ яснымъ сохраненіемъ умственныхъ силъ и безъ бреда и другихъ разстройствъ въ сферѣ интеллекта. Каждое заболѣваніе начинается осенью и длится почти всю зиму. Особенно замѣчательно, что эта больная въ теченіе двухъ предыдущихъ зимъ не имѣла регулъ, которыя снова возвращались весною. Теперь пока имѣются; но она боится, что дѣло пойдетъ такъ же, какъ раньше, т. е. регулъ не будетъ.

6-й случай. Купецъ А. О. 55 л. Холостъ. Ни сифилиса, ни алкоголизма нѣтъ. Наслѣдственности въ какомъ либо направленіи указать не могъ. Съ 26-ти лѣтъ переживаетъ два тяжелыхъ состоянія. 1-е состояніе депрессивное: болѣзненно подавленное настроеніе духа, тоска, taedium vitae. Сидитъ постоянно дома, плохо ѣстъ, неосвѣжающій сонъ, вялый стулъ, мочи мало, она большею частью насыщенная съ высокимъ уд. вѣсомъ. Торговлею интересуется мало, веденіе всѣхъ дѣлъ передаетъ приказчикамъ. Почти ничего не можетъ читать. Цѣлые дни лежитъ или сидитъ безъ дѣла, много куритъ, при-

саживается то къ одному окну, то къ другому. Ни обмановъ чувствъ, ни нарушенія мышленія никогда не наблюдалось. Но чувственный тонусъ можно назвать подавленнымъ, а волевая сфера представляетъ ясную картину анэнергіи (дисбуліи). Ни на одну минуту больной не теряетъ основной нити своихъ торговыхъ дѣлъ, своего положенія и своихъ интересовъ; но у него не хватаетъ прежняго *чувства жизни* и не хватаетъ энергіи вести ихъ по прежнему. За каждымъ такимъ періодомъ угнетенія, длящимся около 7—8 мѣсяцевъ, начинается обратное состояніе—приливъ жизнерадостнаго чувства, особенная живость въ работѣ. Торговые обороты ведетъ такъ превосходно, что всѣ недочеты съ избыткомъ поправляетъ. Сонъ, аппетитъ, половое чувство—всѣ физическія отправленія—абсолютно ничего не оставляютъ желать лучшаго. Это состояніе, къ сожалѣнію, длится 3—4 мѣсяца. Въ состояніи депрессіи онъ перебывалъ почти у всѣхъ извѣстныхъ невропатологовъ Европы. Покойный Charcot въ 1889—далъ ему бромистую микстуру, которую совѣтовалъ принимать безъ перерыва въ теченіе года (sans interruption même d'un jour pendant del'année) по слѣдующему рецепту:

Natr. bromat.
Kali bromat. āā 4,0.
Ammon. bromat. 2,0.
Aquae destill. 200,0.

Принимать 1-ю недѣлю 4 ложки, во 2-ю недѣлю *тоже*, въ 3-ю недѣлю 6 ложекъ, 4-ю отъ 6—2 ложекъ и опять сначала въ томъ же порядкѣ. Больной выполнилъ буквально въ точности этотъ совѣтъ; но безъ успѣха.

Въ этомъ же состояніи больной два раза пріѣзжалъ ко мнѣ и, по моему совѣту, пользовался водою и электричествомъ въ теченіе 6 недѣль и также безъ успѣха.

У всѣхъ шести больныхъ мы, такимъ образомъ, наблюдаемъ періодичность большею частью двухъ болѣзненныхъ состояній въ тѣлесной и душевной сферахъ. У первыхъ больныхъ симптомокомплексъ долженъ быть отнесенъ къ клиническимъ формамъ, подлежащимъ вѣдѣнію Невропатологіи, у послѣднихъ онъ составляетъ—предметъ Психіатріи и трактуется въ ней наряду съ другими хроническими и неизлѣчимыми психозами. Можно думать что такое колебаніе тѣлесныхъ и психическихъ функцій представляетъ собою только видоизмѣненія обычнаго ритма въ жизни организма, всѣ автоматическія функціи котораго, какъ напр. дыханіе, сердцебіеніе,

сонъ и бодрствованіе имѣютъ опредѣленный ритмъ. Описанныя выше угнетеніе и возбужденіе наблюдаются у каждаго изъ насъ въ различныхъ обстоятельствахъ жизни; отличіе ихъ у здоровыхъ состоитъ въ томъ, что они не переходятъ физіологическихъ границъ и занимаютъ короткіе промежутки времени. У здоровыхъ такъ же горе смѣняется радостью, приливы веселаго настроенія смѣняются грустью, минуты счастья обыкновенно коротки, горе, хотя бы оно занимало столько же времени, кажется намъ болѣе продолжительнымъ. Еще одно важное отличіе смѣны настроеній у нормальнаго человѣка, отъ угнетеній и возбужденій больного, состоитъ въ слѣдующемъ: у здороваго человѣка для радости и печали всегда имѣется причина, у больного онѣ возникаютъ безпричинно, по крайней мѣрѣ самъ заболѣвшій не можетъ подыскать для нихъ основанія.

У моихъ больныхъ болѣзненно измѣненъ ритмъ, въ смыслѣ болѣе длинныхъ интерваловъ, а можетъ быть и болѣе выраженныхъ амплитудъ въ предполагаемыхъ волнообразныхъ движеніяхъ, составляющихъ нашу жизнь.

Остановимся нѣсколько на общемъ физіологическомъ явленіи періодичности. Я уже выше сказалъ, что ритмъ—естественный законъ, лежащій въ основѣ всѣхъ жизненныхъ функцій организма. Оставляя въ сторонѣ широкія аналогіи физіологическихъ движеній съ ритмомъ міровыхъ движеній, я позволяю себѣ обратить вниманіе только на ритмъ нервныхъ и психическихъ процессовъ, тогда можно будетъ подойти къ объясненію періодичности экзальтаціи и депрессіи у вышеуказанныхъ больныхъ:

1) Въ процессѣ теченія представленный ритмъ выраженъ смѣною послѣднихъ. На каждое представленіе расходуется опредѣленное время въ доляхъ секунды. Если ритмъ въ этой смѣнѣ нарушенъ въ ту или другую сторону, тогда мы имѣемъ у нашихъ больныхъ или ускореніе или задержку психическихъ актовъ—другими словами—у нихъ начинается душевное разстройство.

2) Наблюдается также ритмъ въ напряженіи нашего вниманія. Слушая удары маятника, мы можемъ на себѣ ясно наблюдать, какъ звукъ то нарастаетъ, то падаетъ. Если бы мы могли графически представить это нарастаніе и паденіе звука, то получилась бы правильная волнообразная линія интенсивности нашихъ слуховыхъ ощущеній, ритмически то увеличивающейся, то уменьшающейся.

3) Мы такъ привыкаемъ къ ритму въ ходѣ ощущеній, что если во время психофизическаго опыта, незамѣтно для изслѣдуемаго

субъекта, измѣнить скорость ударовъ метронома, то въ первыя доли секунды испытуемый будетъ слышать ихъ въ прежнемъ темпѣ. Это явленіе называется отрицательною перестановкою во времени.

4) Существуютъ, повидимому, и въ нашемъ мышленіи такія же ритмическія колебанія, какія мы отмѣтили подъ рубрикою нарастанія и паденія вниманія. Еще старый психіатръ *Jessen* указалъ, что въ нашемъ мышленіи существуютъ *приливы* и *отливы*. Въ первомъ—ассоціаціонные процессы оживлены, масса мыслей является въ сознаніи съ легкостью и ясностью, во второмъ состояніи, именно при отливѣ, является какая то пустота: приходится тѣ же мысли какъ бы выжимать изъ своихъ запасовъ памяти. Въ соотвѣтствіи съ этимъ стоитъ то, что художники ждутъ *вдохновенія*, какъ береговые жители ждутъ морского прилива. Между прочимъ д-ръ *R. Stern* [1]) сдѣлалъ недавно сообщеніе о періодическихъ колебаніяхъ функцій мозговой коры у больныхъ при травматическомъ поврежденіи головы. Онъ замѣтилъ у нихъ періодическія усиленія и паденія: памяти, рѣчи, зрѣнія, слуха и даже дыхательныхъ движеній. Я не могу привести подробнаго изложенія этой интересной статьи за недостаткомъ времени.

5) Не стоятъ ли эти приливы и отливы мысли въ связи съ интереснѣйшими явленіями нарастанія и паденія кровяной волны въ мозгѣ, о которыхъ такъ превосходно писалъ въ свое время туринскій профессоръ *Mosso*. Онъ производилъ записываніе мозгового пульса на субъектѣ съ костнымъ дефектомъ черепа. Я не могу удержаться, чтобы не привести чисто поэтическое описаніе *Mosso* [2]) этихъ своеобразныхъ приливовъ и отливовъ кровяной волны. «Слѣдить среди ночной тишины, при свѣтѣ маленькой лампы, за тѣмъ, что происходило въ мозгу, когда никакая внѣшняя причина не нарушала таинственной жизни сна, было одно изъ самыхъ интересныхъ зрѣлищъ. Мозговой пульсъ въ продолженіе 10—20 минутъ оставался совершенно правильнымъ и довольно слабымъ, потомъ вдругъ, безъ всякой причины, біенія пульса дѣлались сильнѣе и сосуды наполнялись. За этимъ состояніемъ, продолжавшимся нѣсколько времени, слѣдовалъ періодъ затишья, потомъ снова кровь устремлялась

---

[1]) Berl. kl. Woch 1894. „Ueber periodische Schwankungen der Functionen Grosshirnrinde".

[2]) Профессоръ Mosso. Страхъ. Психофизіологическій этюдъ. Переводъ Поповой. С.П.Б. 1887.

къ мозгу». Прибавимъ къ этому установленныя точно ритмическія безпричинныя колебанія частоты пульса въ зависимости отъ времени дня. Между прочимъ дыханіе и пульсъ въ темнотѣ кажутся поверхностнѣе и чаще, чѣмъ при свѣтѣ (Feré). По изслѣдованіямъ пульса д-омъ *Hösslin*'омъ оказалось, что пульсъ утромъ чаще, чѣмъ вечеромъ. *Binet* и *Coutier* замѣтили періодическія измѣненія такъ же и пульсовой волны въ теченіе дня. Существуютъ такъ же патологическія данныя, на основаніи которыхъ можно говорить о нейрозахъ артерій мозга (смотри рук. Hirt стр. 251).

Если мы теперь обратимся къ патологическимъ фактамъ, то и здѣсь можемъ отмѣтить тѣ же явленія ритма въ цѣломъ рядѣ различныхъ болѣзненныхъ симптомовъ, относящихся какъ къ Психопатологіи, такъ и Невропатологіи.

Каждый психіатръ знаетъ объ утреннихъ ожесточеніяхъ тоски у меланхоликовъ и вечернихъ ослабленіяхъ ея. Періодическіе приливы и отливы, возбужденія и угнетенія наблюдаются и въ ходѣ всѣхъ вообще душевныхъ болѣзней, а именно.

1) Развитію маніакальнаго возбужденія всегда предшествуетъ меланхоническій стадій. 2) Острые психозы состоятъ изъ двухъ фазъ—галлюцинаторнаго возбужденія и stupiditas. Правда эти фазы не всегда правильно выражены; но въ громадномъ большинствѣ острыхъ психозовъ ихъ ясно можно подмѣтить. 3) Бредъ первично помѣшанныхъ, и вся душевная жизнь параноиковъ имѣетъ двѣ фазы:—угнетеніе, выражающееся сперва патофобіей и бредомъ преслѣдованія и потомъ возбужденіе съ экспансивнымъ мышленіемъ и бредомъ величія. 4) Психозы вырожденія имѣютъ взрывы (délire d'emblée) и депрессіи. 5) Послѣродовые психозы состоятъ изъ двухъ такихъ же фазъ, какъ и острые психозы. 6) Прогрессивный параличъ имѣетъ двѣ фазы: neurasthenia gravis въ формѣ угнетенія и маніакальный періодъ.—Имѣются также формы прогрессивнаго паралича, представляющія двѣ фазы бреда: ипохондрическій бредъ и маніакальный. 7) Вторичное слабоуміе особенно даетъ замѣчательную картину ритмическихъ экзацербацій и депрессій: напр. больной ведетъ себя тихо и вяло, при чемъ тонусъ всѣхъ жизненныхъ функцій его едва—едва выраженъ, жизнь какъ то дымно тлѣетъ подъ этими развалинами, вдругъ въ одну ночь (паденіе барометра, вѣтры, можетъ быть, магнитныя бури) и больной сразу переходитъ въ возбужденіе (маніакъ). Черезъ нѣкоторое время наступаетъ тишина, а потомъ—опять возбужденіе и т. д. 8) *Наконецъ періодическіе психозы—это самый*

наглядный примѣръ періодичности тѣлесныхъ и психическихъ положительныхъ и отрицательныхъ колебаній въ нашемъ существѣ. Благодаря какому то непонятному до сихъ поръ процессу въ организмѣ—возбужденія и угнетенія у этихъ больныхъ чередуются въ теченіе всей жизни. Какъ отрицательное и положительное въ философіи и математикѣ считаются величинами равноправными: «всякому плюсу отвѣчаетъ свой минусъ». Такъ въ душевной жизни человѣка существуютъ свои плюсъ и минусъ: «удовольствіе и неудовольствіе—оба эти полюса—сказываются вездѣ, куда простирается жизнь человѣка». (Психологія Гефдинга—стр. 254). «Игра противоположностей тянется черезъ всю нашу жизнь» (Шюле).

Недавно проф. В. К. Ротъ въ своей статьѣ о «лѣности» (Вопр. Философ. и Психолог.) указываетъ на нейрастеническое состояніе, какъ причину лѣности въ школьномъ возрастѣ. Такая лѣность: сколько я замѣчалъ, у многихъ школьниковъ появляется періодически.

Проф. *Lange* выпускаетъ въ свѣтъ уже второе изданіе брошюры: «Sur les depressions periodiques et leur pathogenie» [1]). Онъ хочетъ установить новую клиническую форму—періодическаго угнетенія. Оно выражается: чувствомъ тяжести, усталости, моральной тупости, отвращеніемъ къ работѣ, отсутствіемъ всякой инициативы, иногда чувствомъ печали и тоски, доходящей до слезъ. Больные знаютъ, что ихъ депрессія ни чѣмъ не мотивирована. Ни галлюцинацій, ни ложныхъ идей при этомъ не бываетъ. *Lange* хочетъ свести этотъ симптомъ на періодически возникающій мочекислый діатезъ (l'urine fort sedimentaire). Но этотъ діатезъ часто наслѣдственный и трудно поддается анализу.

Мнѣ кажется относительно мочевой кислоты дѣло стоитъ не такъ ясно, какъ хочетъ это представить *Lange*. Между прочимъ д-ръ *Levisson* рѣшительно возстаетъ противъ объясненія *Lange*: по его мнѣнію періодическую депрессію при нейрастеніи никакъ не удается объяснить анализами мочи на увеличеніе мочевой кислоты (Rev. neurol. 1896).

Если я указалъ здѣсь на новую форму болѣзни Lange, то имѣлъ въ виду не его объясненіе этой болѣзни, а клиническую ея картину. Мой первый больной рѣшительно подходитъ къ категоріи больныхъ *Lange*, только у моего больного никогда не наблюдалось тоски, ни-

---

[1]) *C. Lange*. Om periodiske Depressions tilstande og deres Pathogenese 1895. (Цитирую по Revue neurologique).

когда не было реактивныхъ явленій въ сферѣ чувства; напротивъ было полное равнодушіе (индефферентизмъ слабоумныхъ). Между прочимъ д-ръ Сухановъ въ своей работѣ о періодическихъ психозахъ отмѣтилъ у своихъ больныхъ періодъ какой то особой безтолковости—въ видѣ упадка вниманія, непомѣрной разсѣянности, бѣдности мысли и проч. (Обозрѣн. Бехтерева № 8, 1897). Это состояніе напоминаетъ «лѣность мысли» у моего перваго больного. Такое же состояніе наблюдается, какъ извѣстно, въ начальномъ періодѣ amentiae. Прибавимъ къ цѣлому ряду періодичности болѣзненныхъ явленій у душевно больныхъ еще слѣдующія интересныя наблюденія:

Bianchi отмѣтилъ у нейрастениковъ періодически наступающую — анагнозіастенію — т. е. временную невозможность читать и умственно работать.

Д-ръ М. Н. Нижегородцевъ [1]) на V Пироговскомъ съѣздѣ сдѣлалъ интересный докладъ, въ которомъ между прочимъ отмѣчаетъ: a) «внезапность взрывовъ болѣзни и проясненій душевной сферы, наводитъ на мысль о вліяніи какихъ то метеорологическихъ факторовъ на больного. b) Распредѣленіе во времени самоубійствъ и преступленій, съ одной стороны и смертности отъ болѣзней мозга и нервной системы съ другой—подчиняется нѣкоторой законности, которую слѣдуетъ поставить въ связь и соотношеніе съ внѣшними космическими факторами». Повидимому, и тутъ существуютъ свои періодическія обостренія.

Д-ръ Соколовъ [2]) указалъ на вліяніе магнитнаго напряженія на приступы падучей болѣзни. Въ развитіи падучей—два maximum'a: *Январь* и *Іюль*, и два минимума: Ноябрь и Май. Максимумъ напряженія электричества соотвѣтствуетъ минимуму приступовъ падучей. Опять какой то роковой ритмъ!

Löwenfeld [3]) старается установить особую форму нейрозовъ, связанныхъ съ погодою, паденіемъ барометра, напряженіемъ земного электричества и т. д. Такимъ образомъ устанавливается періодическая смѣна функціональныхъ разстройствъ въ зависимости отъ погоды.

---

[1]) Д-ръ *М. Н. Нижегородцевъ*: „О вліяніи метеорологическихъ условій на душевное разстройство съ нѣсколькими данными о распредѣленіи въ году самоубійствъ, преступленій и смертности".

[2]) Врачъ. № 2. 1897 года.

[3]) Ueber Witterungsneurosen. Münch. Medic. Woch. № 5. 1896.

Повидимому, мы возвращаемся къ воззрѣніямъ Парацельса, а также къ недавнимъ воззрѣніямъ Рейля, Шпурцгейма, Галля, Форстера, Гислена, Фридрейха, Каруса и другихъ, о которыхъ мимоходомъ упоминаетъ въ своемъ руководствѣ по Псіхіатріи Крафтъ-Эбингъ (второе русское изданіе 1890 г. стр. 582).

Но что же дѣлать, если другихъ объясненій нѣтъ? Да и многаго другого не слѣдуетъ забывать изъ воззрѣній древнихъ. Господствующее въ наукѣ настоящаго времени ученіе «единства энергіи», а въ послѣднее время «единства матеріи» очень приближаетъ насъ ко временамъ Анаксимандра, Демокрита и проч.

Воззрѣнія Фридрейха, Каруса и друг. о вліяніи луны и планетъ на нѣкоторыя болѣзненныя явленія въ наше время читаются медиками съ улыбкой; но послушаемъ, что о лунѣ говоритъ современный знаменитый астрономъ Фламмаріонъ.

«Она (луна) обусловливаетъ многія явленія въ метеорологіи, до сихъ поръ еще въ большей своей части покрытая мистическимъ туманомъ—она освѣщаетъ земныя ночи; а можетъ быть вліяетъ еще какимъ нибудь образомъ на жизненную экономію растеній и животныхъ. Мы даже думаемъ, что польза, приносимая луною, еще не замѣчена и не оцѣнена наукою «по достоинству».

У меня отмѣчено несомнѣнное вліяніе на моихъ больныхъ времени года: большею частью заболѣванія падаютъ на осень и зиму, рѣже на лѣто и почти никогда не бывало заболѣваній весною.

Невольно напрашивается аналогія о зимней и лѣтней спячкахъ, когда видишь такую больную (5-й случай), у которой сонливость падаетъ на зиму. Въ своемъ докладѣ (Société biologie 1898 г.) Д-ра *Mare* и *Hellich* проводили сравненіе зимней спячки животныхъ съ самовнушеніемъ нечувствительности къ холоду. Внушая одной больной во время гипноза потерю чувствительности къ холоду, они вызвали у нея состояніе близкое, по ихъ мнѣнію, къ зимней спячкѣ.

Гдѣ же искать объясненія для такого ритма болѣзненныхъ симптомовъ? Повидимому, въ колебаніяхъ кровообращенія.

Несомнѣнно существуютъ самостоятельныя періодическія колебанія въ кровенаполненіи мозга. Только продолжительность интерваловъ у больныхъ, по сравненію съ здоровыми, весьма замѣтно можетъ быть удлинена. Больной мозгъ нейрастениковъ можетъ давать болѣе широкія колебанія.

Мы знаемъ напр., что «утомленная мышца остается болѣе продолжительное время въ сокращенномъ состояніи, чѣмъ здоровая».

(Mosso. Усталость, стр. 72). Вотъ почему, можетъ быть, періоды угнетенія у нашихъ больныхъ длиннѣе въ значительной мѣрѣ, чѣмъ періоды грусти у здоровыхъ людей. Вообще у больныхъ нейрастеніею, у субъектовъ вырожденныхъ и душевно больныхъ ритмъ многихъ жизненныхъ функцій можетъ быть измѣненъ, и многія явленія у нихъ (у истеричекъ напр.) могутъ поражать своею парадоксальностью.

Mendel между прочимъ наблюдалъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ Чейнъ-Стоковское дыханіе у прогрессивныхъ паралитиковъ, тогда какъ извѣстно, что при другихъ болѣзняхъ это явленіе большею частью будетъ предсмертнымъ.

Вспомнимъ о медленности дыханія при парадоксальныхъ угнетеніяхъ жизни у факировъ. Говорятъ будто интервалы между однимъ и другимъ дыханіемъ доходятъ у нихъ до невѣроятной длины до 324 секундъ и даже 1 ч. 26 м. (?!). Невольно сравнивались эти странныя патологическія явленія у человѣка—съ обычными явленіями, наблюдаемыми при спячкѣ и зимнемъ угнетеніи жизни у животныхъ: *Mosso* приводитъ слѣдующій примѣръ: «дыханіе угрей въ теченіе зимы перестаетъ быть постояннымъ, а дѣлается періодическимъ».

Мнѣ кажется между прочимъ, что мои случаи періодически наступающей усталости, спячки, угнетенія и возбужденія даютъ мнѣ право вполнѣ согласиться съ наблюденіями и предположеніями *д-ра Нижегородцева* о вліяніи на нашихъ больныхъ космическихъ, атмосферныхъ и магнитныхъ явленій. Правда, мы мало знаемъ положительнаго объ этихъ вліяніяхъ. Но мы не должны забывать, что эти вліянія, ясно обнаруживаются у нѣкоторыхъ больныхъ, въ условіяхъ особаго ослабленія организма (предсказываніе стариками, табетиками и нѣкоторыми истеричками измѣненія погоды). Въ животномъ царствѣ эти вліянія атмосферы, земного магнетизма и проч. превосходно и давно отмѣчены. Смотр. статью проф. Кайгородова, (Нов. Вр. 1894) о возможности предсказыванія погоды при наблюденіи жизни нѣкоторыхъ животныхъ, каковы: квакша, пауки, пѣвчія птицы, кошки, пѣтухи и проч. Интересенъ историческій фактъ, приводимый проф. Кайгородовымъ, какъ генералъ Дижонваль, находившійся въ плѣну и сидѣвшій въ Голландской тюрьмѣ, предсказалъ генералу Пишегрю скорое наступленіе холодовъ. Предсказаніе свое онъ сдѣлалъ съ помощью наблюденія надъ паукомъ, который задолго реагировалъ извѣстнымъ образомъ на предстоящія перемѣны погоды. Проф. *Кайгородовъ* полагаетъ, что на животныхъ особенно оказываютъ вліяніе

измѣненіе электрическаго напряженія, которое, за долго до наступленія измѣненій въ атмосферѣ, заставляетъ животныхъ измѣнять внѣшній видъ и нѣкоторыя привычныя особенности въ своихъ движеніяхъ. Вліянія атмосферныя, магнитныя и другія несомнѣнно отражаются и на человѣкѣ, особенно на слабонервномъ.

Перейдемъ теперь къ другимъ объясненіямъ. Возможно, что у нейрастениковъ и вообще у невропатическихъ субъектовъ указанныя выше колебанія въ настроеніи духа и жизненныхъ отправленіяхъ зависятъ помимо всего отъ періодически наступающихъ колебаній въ обмѣнѣ веществъ и періодически накопляющихся вредныхъ продуктовъ обмѣна.

Lange, стараясь дать объясненіе вышеописаннымъ явленіямъ періодическаго угнетенія, между прочимъ говоритъ, что источникъ внѣшнихъ явленій душевныхъ волненій лежитъ въ томъ или другомъ физіопатологическомъ состояніи сосудодвигательнаго центра. т. е. въ возбужденіи или угнетеніи его! Это то же самое апное и диспное мозговыхъ центровъ (Meynerth).

Можетъ быть ритмъ болѣзненныхъ приливовъ и отливовъ крови къ мозгу во время періодическихъ психозовъ (Нефтель. См. 581 стр. учеб. Крафтъ-Эбинга) зависитъ и отъ накопленія особыхъ продуктовъ измѣненнаго обмѣна веществъ (тоже можетъ быть у нейрастениковъ, истеричекъ и др.); можетъ быть это не мочевая кислота, о которой говоритъ Lange, а множество другихъ продуктовъ, развивающихся въ усталомъ организмѣ и нервной системѣ, въ частности, у нейрастениковь. Усталость, какъ говоритъ Mosso, есть результатъ развивающихся въ организмѣ ядовъ. Такія вредныя накопленія продуктовъ обмѣна могутъ происходить при различныхъ условіяхъ нарушенія жизнеспособности, и безъ того нестойкихъ нервныхъ центровъ, нейрастениковъ, истериковъ и наслѣдственно вырожденныхъ, каковы: простуда, испуги, травма, усталость и проч. (Сравн. случаи—истерическихъ припадковъ при простудѣ (*Fere*), истерическій симптомокомплексъ при травмѣ (Charcot) и т. д.). Интересное сообщеніе объ острой усталости даетъ *Tissie* [1]). Наблюдая велосипедистовъ во время гонки, онъ отмѣтилъ у нихъ цѣлый рядъ острыхъ и скоропроходящихъ разстройствъ въ душевной сферѣ, каковы скука, амнезія, навязчивыя и даже бредовыя идеи. Особенно ин-

---

1) Rev. Scientifique 1894, № 16, 20 Octobr. „Psychologie de l'entraînement intensif“.

тересно наблюденіе, сдѣланное во время 12 часоваго пробѣга, на одномъ спортсмэнѣ; у него наблюдалось слѣдующее:

Спустя	4 часа (отъ начала гонки)	сильный голодъ.
„	6 „ „ „ „	тоска.
„	8 „ „ „ „	жажда и бредъ.
„	9 „ „ „ „	амнезія.
„	12 „ „ „ „	глубокое угнетеніе всѣхъ жизненныхъ функцій и психики.

Токсичность мочи у этого субъекта на 1 кило вѣса кролика равнялась 2,35 к. с. (моча инфекц. больнымъ имѣетъ таксичн.= 2,50 к. с.); но на второй день токсичность мочи названнаго субъекта достигла 0,85 к. с. на кило вѣса кролика.

Tissie весьма справедливо полагаетъ, что доходящее въ наше время до безумія увлеченіе велосипеднымъ спортомъ можетъ искусственно создать хилое поколѣніе. Интересно между прочимъ наблюденіе, помѣщенное въ «Развѣдчикѣ» надъ прусскими и австрійскими кавалеристами, состязавшимися въ пробѣгѣ разстоянія между Вѣною и Берлиномъ. «Утомленіе всадниковъ доходило до того, что они засыпали крѣпкимъ сномъ на конѣ.... Самочувствіе у нѣкоторыхъ было до того плохо, что дабы отрезвиться они прижигали себѣ лицо горячимъ концомъ сигары. Одинъ такъ утомился, что, рѣзавъ хлѣбъ, не замѣтилъ, что рѣжетъ свою руку».

Почему не предположить, что у какого нибудь невропатическаго субъекта исскуственно вызванное изнуреніе rėspictive—самоотравленіе, какъ у цитированнаго выше велосипедиста, не повлечетъ за собою періодическое повтореніе остраго душевнаго разстройства? Въ нашемъ 2-мъ случаѣ испугъ, рѣзко повліявшій на питаніе мозга, вызвалъ періодическое заболѣваніе снoподобными приступами. Испугъ (моральный шокъ), травма физическая, даже охлажденіе тѣла вызываютъ рѣзкое нарушеніе въ обмѣнѣ веществъ: для невропатовъ достаточно незначительнаго толчка, чтобы развился какой нибудь приступъ на подготовленной болѣзненной почвѣ ихъ, и безъ того, инвалиднаго мозга.

Въ заключеніе я позволю себѣ поставить слѣдующіе выводы: 1) въ моихъ случаяхъ наблюдается наглядный переходъ отъ нейрозовъ къ психозамъ, 2) въ основѣ ихъ можетъ быть лежатъ вліянія: атмосферныя, земного электричества и даже космическія. 3) У всѣхъ больныхъ имѣлась подготовленная (наслѣдственно или пріобрѣтена

самими) болѣзненная почва—въ предварительно изнуренной нервной системѣ. 4) Періодичность болѣзненныхъ симптомовъ, очевидно, обусловлена пока мало нами изученными колебаніями въ кровеобращеніи мозга. Причину этихъ колебаній можетъ быть нужно искать въ періодической задержкѣ продуктовъ обмѣна. 5) Періодичность угнетеній и возбужденій—есть патологическое видоизмѣненіе нормальнаго физіологическаго ритма всѣхъ тѣлесныхъ и психическихъ явленій нашей нормальной жизни.

Письма и Телеграммы.

Глубокоуважаемый

Иванъ Николаевичъ!

Душою скорблю, что по нездоровью лишенъ возможности лично присутствовать при торжествѣ Вашего «Общества Научной Медицины и Гигіены»; но вмѣстѣ съ тѣмъ, я глубоко убѣжденъ, что истекшее 25-ти лѣтіе вполнѣ доказало научный прогрессъ этого Общества и служитъ гарантіею для успѣшной дѣятельности его въ будущемъ.

Съ пожеланіемъ постояннаго все возрастающаго прогресса въ научной дѣятельности этого общества, я позволяю себѣ симъ принести особыя сердечныя мои поздравленія Вамъ, какъ Предсѣдателю, и всѣмъ другимъ товарищамъ членамъ Вашего Общества. Да будетъ же слѣдующая четверть вѣка еще плодотворнѣй первой!

Проф. *В. Грубе.*

Харьковъ.
8-го Февраля 1898 г.

Предсѣдателю Общества Научной Медицины и Гигіены,

Проф. *Ивану Николаевичу Оболенскому.*

Нездоровье препятствуетъ мнѣ присутствовать сегодня на Юбилейномъ Торжествѣ Общества Научной Медицины и Гигіены.

Покорнѣйше прошу Васъ, какъ Предсѣдателя этого Общества, передать отъ меня самыя сердечныя поздравленія. Желаю Обществу продолженія его блестящей научной дѣятельности и процвѣтанія на славу нашего родного Университета и на пользу человѣчества.

Проф. *Леонардъ Гиршманъ.*

8-го Февраля
1898 г.

С.-Петербургъ. Конференція Императорской Военно-Медицинской Академіи привѣтствуетъ Общество Научной Медицины и Гигіены съ торжественнымъ днемъ исполнившагося двадцатипятилѣтія его плодотворнаго существованія и искренно желаетъ ему и въ будущемъ продолжать ту же высокополезную дѣятельность на пользу русской медицинской науки. Ученый секретарь Военно-Медицинской Академіи *Данилевскій.*

С.-Петербургъ. Почтительнѣйше привѣтствую высокочтимое Общество, въ день его юбилея, и желаю Обществу дальнѣйшей плодотворной дѣятельности. Заслуженный Профессоръ и Академикъ *Пашутинъ.*

С.-Петербургъ. Общество охраненія народнаго здравія сердечно привѣтствуетъ Харьковское Общество Научной Медицины и Гигіены съ двадцатипятилѣтіемъ его высокополезной и плодотворной дѣятельности. Предсѣдатель Общества *Кудринъ.* Секретарь *Губертъ.*

С.-Петербургъ. Считаю пріятнымъ долгомъ привѣтствовать Общество съ 25-ти-лѣтіемъ плодотворной дѣятельности его и пожелать дальнѣйшаго процвѣтанія. *Кудринъ.*

С.-Петербургъ. Счастливъ привѣтствовать Общество съ 25-ти-лѣтнимъ юбилеемъ, отъ всей души желая дальнѣйшихъ успѣховъ плодотворной его дѣятельности. *Рагозинъ.*

С.-Петербургъ. Душевно привѣтствую Общество, глубоко чту его, храню его завѣты, желаю процвѣтанія на благо и просвѣщеніе родины. Почетный членъ *Павелъ Ковалевскій.*

Харьковъ. Не имѣя возможности лично привѣтствовать Общество Научной Медицины по случаю исполнившагося 25-лѣтія его полезной дѣятельности, шлю мои сердечныя поздравленія съ сегодняшнимъ торжественнымъ днемъ и самыя искреннія пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія и развитія его дѣятельности на пользу страдающаго человѣчества.

Окружной Инспекторъ *Раевскій.*

ПРОТОКОЛЪ
ПУБЛИЧНАГО ЗАСѢДАНІЯ
ПО СЛУЧАЮ 25-ЛѢТІЯ
существованія Общества Научной Медицины и Гигіены.

8-го Февраля 1898 г.

Засѣданіе состоялось въ торжественномъ залѣ Университета, въ часъ дня, въ присутствіи многочисленной публики. По объявленіи г. предсѣдателемъ Общества, проф. И. Н. Оболенскимъ, засѣданія открытымъ секретарь Общества прочиталъ извлеченіе изъ протокола засѣданія 10-го Декабря 1897 г. Согласно состоявшемуся 10-го Декабря постановленію Общества почетное предсѣдательство въ этомъ засѣданіи было предложено почетному члену Общества, проф. *И. К. Зарубину*, который изъявилъ на это согласіе и, взойдя на каѳедру, сдѣлалъ краткій историческій очеркъ возникновенія и развитія Общества Научной Медицины и Гигіены, коснулся его задачъ, значенія и плодотворной научной дѣятельности въ теченіе 25-лѣтняго существованія. Послѣ И. К. Зарубина говорили профессора: Н. К. Кульчицкій «развитіе ученія о протоплазмѣ за послѣднія 25 лѣтъ», И. П. Скворцовъ «очеркъ гигіены, ея развитіе за 25 лѣтъ на ряду съ другими медицинскими науками» и Я. А. Анфимовъ «теорія нейронъ и примѣненіе ея къ психическимъ и нервнымъ явленіямъ». Секретарь Общества, И. Я. Платоновъ, прочиталъ отчетъ о дѣятельности Общества за время 25-лѣтняго его существованія, а предсѣдатель Общества, проф. И. Н. Оболенскій, охарактеризовалъ научную сторону дѣятельности Общества, его отношеніе къ Университету и Университета къ Обществу, а также коснулся той роли, которую играетъ Общество въ дѣлѣ просвѣщенія и развитія студентовъ медиковъ, всегда и охотно посѣщавшихъ засѣданія Обще-

ства. Послѣ этого почетный предсѣдатель объявилъ публичное засѣданіе закрытымъ.

Получены были привѣтственныя письма и телеграммы отъ профессоровъ: Гиршмана, Грубе, Ковалевскаго, Пашутина, отъ д-ровъ почетныхъ членовъ, Рагозина, Кудрина и отъ конференціи Военно-Медицинской Академіи. Послѣдней послана отвѣтная телеграмма.

Предсѣдатель *И. Н. Оболенскій.*

Секретарь *И. Платоновъ.*

